

Горнолыжные зарисовки

Главный горнолыжный тост:

Так выпьем за то, что
Горные лыжи – это не просто две палки на ногах,
а целый комплекс мероприятий!

Проба снега

Горные лыжи - это стихия. Может быть нежной и мягкой, тихонько шурша свежевыпавшим снегом, а может стать жесткой и беспощадной. Если вы не любите испытаний стихией – вам не нужны горные лыжи.

Я помню, как впервые увидел папино снаряжение для катания с гор. Впечатление невероятное. Все принципиально больше моего школьного инвентаря для бега по лыжне в парке. Здоровенные деревянные лыжи с кантами (кант – металлическая вставка по краю скользящей поверхности лыжи для улучшения управляемости и уменьшения разрушения этого самого края). Эти канты были составными из полосок стали, и прикручивались к лыжам шурупам. На лыжах красовались одни из первых советских креплений - полужесткие КЛС. Официально сокращение расшифровывалось: "Крепления Лыжные Слаломные". Хотя после опыта борьбы с их следующей (жесткой) модификацией иначе как "Клуб Любителей Смерти" я их не называл. Уж больно ловко они помогали ломать ноги.

Носок ботинка цеплялся в треугольную алюминиевую головку этих креплений, а пятка... Пятка попросту привязывалась к лыже! Для этого использовался хитро прокладываемый кожаный ремешок. И никаких проблем с поисками отстрелившейся лыжи. Нельзя сказать, что лыжа совсем не отстегивалась. Алюминиевая головка, держащая носок ботинка, имела механизм раскрытия при резком развороте лыжи (например, при попытке вывихнуть колено), или просто по желанию самой головки от сильной вибрации. А могла и не раскрыться. Ведь в падении часто ботинок не только разворачивается вбок, но и двигается по диагонали. В результате механизм заклинивается.

Ботинки к таким лыжам полагались кожаные, двойные. Обе части на шнуровке. Сперва нужно подтянуть шнурок на всех петлях внутреннего ботинка и завязать покрепче. Затем такая же операция проделывалась с внешним ботинком. Круто, аж жуть. Вот только ботинок по высоте едва прикрывал нижнюю треть голени, и нога в голеностопе гнулась практически свободно. Но... С каким удовольствием я мерил все это хозяйство. Даже выбрался как-то скатиться на нем с десятиметровой горки. Удовольствие конечно небольшое, но я увидел цель.

Снаряжение менялось, чинилось, шилось... Цель оставалась – упоение спуском.

Со временем увлечение прошло точку невозврата, и я отправился в местность давшую название этому спорту.

Первыми горнолыжными горами для меня стали окрестности турбазы «Алатау». До этого я пару раз катался на склонах подмосковных оврагов и на Крылатских холмах, но это не в счет.

Располагалась турбаза недалеко от Алма-Аты, столицы Казахской ССР. Там было целых два бугеля.

Маленькая справка. Бугелем тогда назывались две вещи. Во-первых, бугельный подъемник в виде троса, натянутого на опорах над склоном. Лыжник для подъема должен был цеплять к нему специальное приспособление с веревкой и палкой, и, держась за него (лучше попой), ехать вверх. Это приспособление так же называли бугель. В горнолыжный спорт термин «бугель» пришел от голландских моряков. У них бугель — это кольцо для крепления снастей. В процессе развития к тросу подъемника стали приделывать несъемные фалы с опорой для попы. Так появился подъёмник системы Пома с тарелкой для размещения между ног и "Швабра" - буксировочная штанга в виде перевёрнутой буквы «Г» для двух лыжников. Подъем на тарелке живо напоминал детские скачки на палках-лошадках. На "швабре" можно было поболтать с напарником, а тарелка избавляла не только от собеседника, но и от его чудачеств с лыжами.

Так вот один бугель был длиной на двести метров в лягушатнике. На нем можно было подниматься, просто держась рукой. Другой системы Пома на километр, для продвинутых в обучении (тех же лягушат).

Курорт располагался невысоко, имел несколько строений, елки-сосны и плавный спуск. Место было идеальным для чайников. Ну не было там ничего сложного. Хотя я это понял лишь на Чегете. А тогда я впервые почувствовал очарование зимнего горного пейзажа.

Летом то я по горам уже лазил. Пешком под рюкзаком испытываешь смешанные чувства. С одной стороны, красота зеленеющих склонов, изящные скалы, торчащие из снежников, чистейшие озера с ледяной водой. С другой - бесконечный подъем на перевал. Верх каждой моренной ступеньки воспринимается издали как цель подъема. Но стоит на нее взобраться, как тут же выше обнаруживается следующая, за ней следующая. И так много раз. С подъемником все значительно упрощается. Сокращается разнообразие пейзажей, зато исчезает тяжесть на плечах. И время на разглядывание не лимитируется.

Самое яркое воспоминание от пребывания "Алатау" относится к снегопаду. Снега выпало сантиметров пятнадцать. Не придав этому большого значения, я решил совершить первый спуск без инструктора.

До этого я всегда исправно загружал носки лыж. Заехав в свежевывающий снег, лыжи благополучно разъехались в стороны, и я рухнул вперед, пропахав носом борозду. Так я впервые попробовал целину. Хорошо, что скорость была невелика.

Затем нас учили правильно реагировать на пушистый снег. А еще учили его утаптывать. О ратраках в те времена не подозревали. Так что всю километровую трассу после снегопада утаптывали все участники (отдыхающие) и инструктора. В лыжах, мелкими приставными шагами, от верхней опоры подъемника и до поляны выката.

Другим ярким воспоминанием стало знакомство с организованным отдыхом. Я селился в номер самостоятельно, через знакомых. А через день на базу приехало человек пятнадцать из Московского энергетического института, и база заполнилась. Я оказался в комнате с двумя ребятами из МЭИ. Оказалось, что они приехали организованной толпой. Есть и тренер, и старший. А еще они бегали на

зарядку! Утром, едва проснувшись. В высокогорье, без акклиматизации и обычной физподготовки в Москве, бегали свои километры вниз и вверх. При этом спортсменов у них не было. Какой же у меня был кайф по утрам.

- Всем подъем! - открывает дверь тренер МЭИ.

Ребята вскакивают, одеваются, я лежу.

- А тебе, что? Особое предложение? - это уже ко мне.

- Да пошел, ты!

- Как фамилия?

- Да пошел, ты!

- Какой факультет?

- Сангиг!

- Какой?

- Медицинский! И вообще я не из вашей сказки. Так что надрывайтесь без меня...

Для разминки мне вполне хватало пройти двести метров на лыжах от домика до подъемника.

Мукачево. Тростян.

На следующий год после Алатау меня затащили на гору Тростян. Высота ее небольшая – 1230 метров над уровнем моря. Жили мы в селище Славское, что милях в ста от Львова. (Население - около 4000, народность – бойки, высота над уровнем моря - 500 м.) Поселились в гостевой хате. Хозяин был давний знакомый большей части нашей компании.

Особой экзотикой походное существование для меня никогда не было, как и доезд до подъемников на грузовике. А вот кресельным подъемником длиной 2700 метров я впечатлился. Двадцать три минуты езды! Даже станция посадки на полпути есть. Но других-то креселок я до той поры не встречал. По мне все так и должно быть. За время подъема можно было поспать, поесть, потерять вещи. Ну и полюбоваться на елки, растущие вокруг подъемника. По первому разу было очень интересно. Разноцветные кресла из дощечек, привинченных к стальному каркасу, надпись: «Закрой поручень!» на опоре подъемника. Чего только стоила цепочка на этом кресле для застегивания сидящего от выпадения. Прямо скажем, нужная цепочка. Особенно если долгий подъем усыпит. Один наш приятель умудрялся хорошо выспаться за время подъема. Кстати никаких опор для ног-лыж не было предусмотрено. Зато на всю жизнь у меня остались воспоминания для ностальгирования по студенческим годам.

На любом тихоходном маломестном подъемнике оно приходило. Это чувство

бесконечного монотонного движения вверх. Едешь себе тихонечко, поскрипывает-покачивается кресло при прохождении опор. В остальном все тихо. Особенно если нет ветра. И вроде участвуешь в процессе подъема, а вроде и нет. Уже десять минут прошло, а и до середины путь не пройден. Скрип-скрип – не спи. А вокруг елки со снежными шапками, белые сугробы, синее небо. Кто-то любит включать приемник или плеер погромче. Я же предпочитаю слушать природу. Иногда, под настроение. Внизу шумит ручеек, справа рухнул камень, вдаль кричат чайники, спустившие на себя лавину, а вот и вертолет спасателей... Ну это уже из европейских приключений. На Тростяне «Хеликоптеров немає».

Мне рассказали, что в стародавние времена (начало двадцатого века), когда Славское входило в состав Польши, на горе Погар был подъемник. В виде пары волов, волокущих сани. Экономичный подъемник, надо сказать, совершенно не зависящий от электричества и углеводородов. Первый же бугель был построен в 1968 году. Благодаря неисчерпаемой энергии Анатолия Васильевича Архангельского. И кресельный подъемник всецело на его энтузиазме в 1976 году ввели в строй. В 60-е годы 20 века в СССР был просто бум строительства горнолыжных баз. Так что его энергия совпала с общим направлением развития в те годы. Повезло.

В Славском я сделал интересное наблюдение. Как-то вечером мы хорошо отметили день катания. В смысле выпили всё, про что помнили. Одна девушка в нашей шумной компании оказалась трезвенницей. Каково же было наше изумление, когда оказалось, что голова утром болела только у нее. И ботинки она правый с левым путала. На склоне, правда, ей получшело. Как следствие хуже стало другим. Не по ее вине. Просто закон сохранения. Ну, может еще повлияло то, что другая девушка из нашей компании впервые в жизни здесь встала на горные лыжи. Это по ее словам. А, по моему мнению, Таня вообще впервые в жизни лыжи видела так близко. Хоть беговые, хоть какие.

За чайником наблюдать весело, особенно если сам чайник, да еще кипящий. Она быстро стала грозой елочек и кустиков. А как она поднималась на подъемнике типа швабра! На небольшом крутячке вжик соседу под ноги. И оба валятся в сугробы. В общем, наша компания разделилась по классу катания, договорившись встретиться часа в три. Кто-то попытался Таню учить премудростям лыжных стоек, кто-то занялся отработкой слаломных навыков. А я уехал искать целину. Покатался среди елочек, нашел кучу шишек, набил снега в карманы. Время к трем. Решил ехать траверсом по остаткам целины. Посматриваю по сторонам. Разогнался. Вдруг навстречу Таня. Тоже разогналась.

Я пытаюсь объехать выше по склону, и она забирает вверх. Я еще круче вверх, и она круче вверх. Произошло неизбежное. Но как!

Ее левая лыжа нырнула под мою правую, а затем выскочила на левую сразу за ботинком. Правая лыжа, напротив, успела подняться, но не вся. Носок ушел под мою левую лыжу. Зато остальная часть вместе с ботинком оказалась на правой лыже. Одним невообразимо ловким движением девица сумела завязать наши лыжи в мертвый узел. Затем мы встретились и тут же расстались. Бум! Она упала на спину, а я на бок. Занавес.

А вокруг никого. Совсем никого, кто мог бы оценить или помочь. Даже ворон нет. В падении она еще успела скрестить задники лыж и засунуть поглубже в снег палки. Так что речи о самостоятельном вставании для нее не было. Она даже развернуться на бок не смогла с первой попытки. Да и со второй. Пришлось высвободить лыжную палку и открыть свои крепления. Дальше пошло веселей. Я вытащил из целины одну лыжу и поспешил закопать Таню от греха подальше. Не получилось. Снега в этом году мало выпало. Пришлось помогать с восстановлением вертикального положения на лыжах. До вечера больше приключений не было.

Под вечер мы решили спуститься по спортивному склону. Он был ровный, гладкий, с нормальным снегом. Но только на первый взгляд. К вечеру подморозило. Снег изрядно затвердел и прибавил в скользочести. Я храбро поехал вниз. И окончательно убедился в никчемности креплений лыжных слаломных (модель КЛС-2). Не успел я упасть, как они сработали. Сперва отстрелилась одна лыжа, я рухнул на левый бок и поехал вниз.

Начал тормозить оставшейся лыжей, но добился и её отстрела. Скорость спуска немедленно возросла. Я развернулся на спину и сел. Ха! На задку скользилось великолепно. Я почувствовал себя саночником. Окружающий пейзаж лихо проносился мимо. Пытаясь затормозить, я воткнул задники своих горнолыжных ботинок в снег. Ага! Наверно скольжение замедлилось, но мне так не показалось. Зато появилось два великолепных фонтана. Со стороны смотрелось. Я несся вниз, выбрасывая вверх снег и что-то покрикивая. Но тормозить-то надо, а то до низа одни уши доедут. Разворачиваюсь на живот, одновременно поднимаю все конечности и с размаха бью по снегу. Класс. Ботинки уходят в снег почти до сгиба. Мне кажется, что я остановился. Смотрю в сторону. Ни фиги не остановился. Еду еще пару метров, оставляя борозды в заледенелом склоне. Наконец останавливаюсь. Ура! Встаю. Ко мне подъезжают товарищи. Спускают вещи.

- Хорошо летел!

- А главное хорошо кричал. Захватите мои лыжи, палки, шапку.

- Ну, правильно. Балласт сбрасывал.

У нижней опоры подъемника мы оживленно обсуждали сей великолепный спуск. К нам подошел изрядно заснеженный парень.

- Здравствуйте! Это бугель на Тростянь?

- Даа...

Мы были удивлены вопросом. Ничего другого здесь в принципе не было.

- Только не смейтесь. - Все приготовились жаргать. - Я тут ехал по трассе, случайно повернул на сугробе и вдруг оказался в лесу. Кругом здоровенные ели.

- И пили?

- Да причем тут коньяк?

- А притом. Я тоже с коньяка на елке разворачивался. Там с края трассы обрыв. А внизу елки растут. Если после снегопада кататься, то их верхушки как заснеженные бугры. Вот на них и крутят спуск. Шурх и ты в лесу.

День удался на славу. Но вечером двое из нашей компании поехали на вокзал за напитками. Вернулись глухой ночью. Рассказали, что на вокзале Славска ничего не нашли и уехали на электричке до ближайшего магазина. Там задержались до окончания движения электричек. Пришлось договариваться и возвращаться на тепловозе. Было в Славском такое развлечение. Те, кто ездил сюда не в первый раз восприняли приключение, как совершенно заурядное.

Как оказалось, мой спуск был ерундой. На следующий день я понял, что значит уверенно двигаться к цели. Солнце сияло в небесах. Порхали птички. Бабочки, осы, совы, лисы из мультфильма про Суслика не порхали – зима на дворе. Мы чинно спустились к середине склона. Даже начали обсуждать с какой скоростью можно ехать дальше. Тут от начала трассы раздались крики. Наверху возникло броуновское движение. Кто-то спешил к краю трассы, увидев нечто страшное, другие торопились на их место - посмотреть. Мы прислушались. Среди разномастных воплей выделялся один с кавказским акцентом.

- Нэуправляэм!!!

Из мельтешащей толпы на приличной скорости вылетел объект на лыжах. Стойка «яйцо болит» (в отличие от стойки болид, которую принимают спортсмены для улучшения аэродинамики) - лыжи на ширине плеч... слона, ноги согнуты в голеностопе, колени прямые, легкий присед, туловище наклонено вперед, руки разведены и отгоняют с пути всех. Рот открыт.

- Нэуправляэм!!!

Но ведь ехал же. И быстро ехал. Те, кто был на его пути либо отъезжали, либо отлетали в стороны. Мелкая растительность вынужденно оставалась на месте. Частями. Теми частями, которые проходили между лыж. Остальное ломалось.

- Нэуправляэм!!!

Препятствия им игнорировались. Лыжник – сбит в сторону, бугорок – подскок без потери скорости, сугроб - срыт, куст - "Ой!"

- Нэуправляэм!!!

А вот и конец трассы, большой бугор, прыжок и эффектное падение. Лыжи разлетаются, вращаясь оторвавшимися пропеллерами. Герой кувьркается в попытке показать гимнастический номер. Получается номер комический с втыканием тела в сугроб. Жертв и разрушений... Да живы все, даже в восторге. Он ведь не в очередь на подъемник тормозил.

Через пару дней пошел дождь, и я научился кататься под дождем. А потом снег на склонах кончился, и стала пробиваться первая февральская трава. К счастью это совпало со временем отъезда. А очень скоро и СССР не стало. Больше я на Тростян не ездил.

Северный – на балкарском – Чегет Знакомство с традициями

Как-то я читал про первый спуск с Чегета и готов подтвердить - это нечто. Для меня Чегет подготовился основательно. Недели две не было снега. Бугров успели нарыть везде, а Солнце их от души обработало. Спуск представлял собой бесконечную череду заледенелых бугров в рост человека. Щютка. Конечно, сверху бугры были меньше, чем по пояс. Заезжать на первый бугорок еще было возможно. А вот спуск с последующим заездом на нижний бугор... Да еще по ледяной корочке. Пять бугров в хорошем темпе, и вы уже чувствуете себя героем. Этаким фрирайдером. Впрочем, попробуйте по первому разу их вообще проехать на любой скорости без остановки. Мне не удалось. И никому из нашего отделения. Только инструктору.

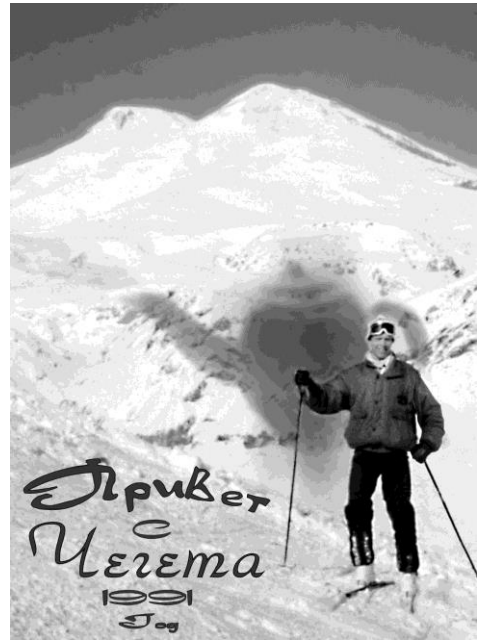
Но потихоньку наладилось. Доковыляли до бугельного подъемника и начали ехать вверх. «Ха-ха!» Это я услышал на середине подъема. При взгляде вверх я усмехнулся. Поехавшие передо мной девушки нашего отделения висят в воздухе и плавно разворачиваются под ветерком. Пока я оценивал вероятность их падения, фал моего бугеля сильно натянулся. Через секунду я ощутил отрыв своих лыж в воздух. Как и девчонкам, мне нехватило и длины фала, и веса тела для движения по снегу. Я летел низенько, как аллигатор. Главное было получить максимум положительных эмоций при минимуме отрицательных. Я вертелся, я крутился, а потом я приземлился... Даже лыжи успел правильно поставить. А вокруг прекрасные горные пейзажи и куча советчиков.

К моему удивлению после окончания воздушных процедур большинство продолжило движение вверх на бугеле. Лишь пара участников свалилась. Так что и первый подъем на Чегете (пусть первый на бугеле) оказался незабываемым.

В тот же день, по случаю хорошей погоды, мы фотографировались на фоне величественного Эльбруса. Я встал в гордую позу. Упер правую палку выше по склону, чтобы рука была приподнята, как у восходителя. Левую руку упер в бок... Раздался щелчок затвора фотоаппарата.

- Хорошо получился! – сказали мне, странно улыбаясь.

В Москве я рассмотрел слайд с собой-лыжником. Сразу стала понятна улыбка фотографа. За мной была классическая тень. В виде чайника! Этот слайд явился неоспоримым подтверждением одной из версий происхождения названия новичка. Тень-чайник на фотографии, как рентген высвечивала суть человека на лыжах. Я,

конечно, не держал в правой руке дымящейся трубки, но небольшое облачко ловко добавило свою тень. Получился кипящий чайник. А кем еще можно быть «опытному» горнолыжнику, впервые попавшему на Чегет?

Проживал я в свой первый приезд на Чегет в очень интересном месте.

В стародавние времена, когда серп еще был орудием колхозницы, а не рыцаря из 3-Д игры, был в Баксанском ущелье альплагерь «Баксан».

Он располагался километрах в шести от Чегета. Да еще надо было в лес заехать метров сто. Соответственно к подъемникам возил автобус. Место было симпатичное. В плане природы. Склоны ущелья, уходящего к Баксанскому перевалу поросли величественными соснами. Рядом с базой шумела речка Баксан. В ней регулярно купались местные "моржи". Двухэтажные же строения были типично совковыми. Без изысков. Но тогда это было нормой, да и ехали сюда кататься, а не разбираться в архитектуре. Есть, где спать, есть, где есть. Что еще надо? Видимо так и размышляли строители и директор базы. Поскольку розетки в номерах сняли. Экономия электричества. Вдруг кто чайку решит вскипятить. Только лампы для света. Сколько же было шума, когда администраторша, проходя по коридору, услышала играющий в номере приемник! Но прикол заключался в том, что мужик приспособил для него солнечную батарейку. Ворвавшейся в номер администраторше физик с гордостью продемонстрировал хитрое устройство, работающее от света лампы накаливания.

В альплагере я познакомился со многими интересными людьми. Самая большая дружба получилась с Сашей Старостиным и Сергеем Зинченко. Сергей через кучу лет перебрался в Канаду, а со Старостиным мы до сих пор развлекаемся лыжами.

А еще я познакомился с традициями альплагеря «Баксан».

Обязательной считалась зарядка. Потому как если не вышел разминаться, значит, либо много выпил, либо сильно травмирован. И на лыжах кататься не едешь.

Зарядка, впрочем, была совсем не как у студентов МЭИ в «Алатау». Никаких километровых пробежек. Зарядку проводили инструкторы. А они тоже вчера сидели, пили-ели. Вышли после побудки на полянку, встали в круг, помахали руками, поприседали. Наклоны разные поделали... Главной и финальной частью зарядки считалось упражнение – «птиц ворОн». Все дружно вставали на одну ногу и пытались задрать назад другую. Если при этом еще и руки умудрялись развести в стороны – это считалось великолепно... До тех пор, пока на зарядку не вышла мастер спорта по художественной гимнастике. Она легко почесала затылок пяткой через спину. Инструктора решили, что на этом зарядка закончена и всем пора на завтрак.

Самой известной традицией была вводная лекция инструктора Харитонова «Об опасностях в горах и как от них предохраняться». Послушать ее собирались все свободные от дел. Даже из соседних баз отдыха. Читалась она в столовой. Вечером народ рассаживался в предвкушении. Харитонов не заставлял себя ждать. Выходил перед народом и спокойным мягким баском начинал.

- Опасности бывают разные. Самая главная опасность - голова. Голова участника. Она опасна и зимой, и летом. Начну с того, что все, о чем я говорю,

взято из жизни. И примеры приведу из своей практики.

- Летом во время прогулок случается всякое. Так ведь и зимой люди хотят погулять. С девушкой пройтись по окрестностям альплагеря. У нас природа красивая, речка течет. В ней даже купаются некоторые.

Вот была у меня как-то группа. Летом. В основном студенты. Как положено, образовывались парочки. Один участник Андрюша влюбился в Олечку. Ну, это еще куда ни шло. Дело житейское. Везде вместе ходили. И повел я их со всем своим отделением по узкой тропе. Уж больно хорошо отделение до этого училось. Я и расслабился. Иду впереди. Дорогу показываю. Слышу, сзади камни посыпались из-под ног. Оборачиваюсь и вижу. С громким криком: «Ой, мамочки!» Оля срывается с тропы в пропасть. Я дернуться не успел. А ее Андрюша смотрит в пропасть и прыгает за этой ду... за своей девушкой. "Два" слышу чей-то голос. Тут еще один студент наклоняется в месте, где исчезла любовная парочка и прыгает вниз. "Три".

Я стою с широко открытыми глазами и вычисляю - заразно ли увлечение суицидальными прыжками и сколько еще из моей группы отправится за парочкой. И ведь все поспешили посмотреть в пропасть. Я решил тоже посмотреть. Тем более что больше никто прыгать не стал. Оказалось, внизу полочка. Метрах в двух. На ней троица и разместилась. Как они дальше не прыгнули - не понимаю. Затем их доставали. Девушка легкая была. Да и снизу ее выталкивали. А вот двух кабанов, за нею прыгнувших, тянули изо всех сил.

Рассказал я это к тому, что не стоит ходить по краю тропинок, тем более влюбленным. Не заметишь, как улетишь. А за тобой еще кто-нибудь сверзнется. Лечи вас потом. Так же хочу напомнить о распорядке дня лагеря. После отбоя не гулять, а то на зарядку не выйдете. Кто не вышел, тот остается в лагере. И к автобусу с Чегета не опаздывайте. Шесть километров пешком это долго. Можно заблудиться. Ну, про поведение на склоне вам ваши инструктора расскажут.

- Далее я вам расскажу про орудия убийства. К ним относятся подъемники бугельные и кресельные. Малое орудие убийства - это бугельный подъемник. Их на Чегете немного. В самом низу есть для начинающих. Это подъемник, к тросу которого надо самому подцеплять бугель - зацепку на длинной веревке. Ну что можно сказать про него. Если засунуть палец под трос в районе блока, то, скорее всего палец вам оторвет. Так происходит, когда участник подъезжает к верхней точке подъема, но не плавно отцепляется, а резко бросает бугель. Он в соответствии со своим натяжением летит вперед и наматывается на трос. Трос затягивает веревку на блок и подъемник тормозится. Скрип, вопли! Участник чувствует свою вину, бугель тоже вернуть хочется, и он решает совершить энергичное действие. Ведь он спортсмен! Мать его... Он кидается к своей веревке и начинает ее вытягивать. Сперва ему это удастся. Часть веревки он наматывает на руку. Между тем остальным поднимающимся надоедает висеть на тросе, и они отцепляются. Натяжение троса ослабевает и нашего героя быстро наматывает на барабан вместе с его драгоценным бугелем. Еще лучше если подъемник сначала выключить, засунуть пальцы в блок под трос, а потом какой-нибудь герой дорвется до кнопки включения. Здесь уже наверняка оторвет...

- Так же часто на малом орудии убийства выбиваются глаза и зубы. Делается

это следующим образом. Участник катания раздобыл зацепку. А ремня к ней нет. И вот он приспособливает какой-нибудь кусок веревки. Поскольку лыжник считает главным в катании ноги, то голову он в данном выборе не использует. Обычно для изготовления берется первое, попавшееся под руку барахло. А именно синтетическое, хорошо тянущееся изделие. И вот довольный своей работой участник подходит к подъемнику и цепляется за трос. Дальше все происходит по закону физики. Самодельный трос растягивается, накапливается потенциальная энергия, залипшего участника дергает вперед, бугель отцепляется, и потенциальная энергия преобразуется в кинетическую. А участник перед этим тянулся вверх руками и головой. Ведь чем сильнее вытянешь голову, тем быстрее поедешь. Так вот по вытянутой морде лица он и получает летящей железкой. И, довольный полученным фингалом, убывает в направлении лазарета. Так же неплохо получается, если эластичный трос рвется и пружинисто попадает по выступающей части головы.

- Травма обычно позволяет остаться на склоне. Как-то я наблюдал одного очень продвинутого качка, который не мог без любимого эспандера. Он к бугелю приспособил пару резинок от этого снаряда. К счастью его вовремя тормознули. Так что прежде чем испытывать результаты своего творчества, рекомендую вначале показать творение инструктору. Да и перед творчеством не мешает консультация.

- Теперь об орудиях убийства среднего калибра. Это тоже бугель. Но здесь уже все прицеплено. Нужно дождаться своей очереди, взять палку с сиденьем, засунуть под зад и аккуратно тронуться. Не умом, конечно. Затем, наверху вовремя соскочить с сиденья. И все. Все живы. Так нет, встречаются и здесь опасности. Один участник. В возрасте. Очень интеллигентного вида, в очках. Очень долго изучал, как садятся на бугель. Стоял, смотрел. Видимо морально готовился. Затем взял и сделал следующее движение.

Тут Харитонов развернул правую руку большим пальцем вниз, взял воображаемую палку бугеля так, чтобы кольцо сиденья оказалось у большого пальца, а веревка со стороны мизинца. Затем обернул воображаемым же тросом правую ногу, просунул палку со стороны заднего прохода вперед и, установив кольцо сиденья напротив причинного места, замер в полуприседе с восторженным выражением на лице.

- Видимо он хотел произвести ампутацию ненужного отростка особо изощренным способом. И это ему почти удалось. Он уже улетал, когда бдительный канатчик Саша успел выключить мотор. Держа за шиворот, он вытолкал его с посадочной площадки и добавил: «Чтоб я тэбя большэ здэсь нэ видэл!»

- Следующим по опасности идет кресельный подъемник. На Чегете их три. Одно- и двух-кресельный подъемники первой очереди до кафе "Ай". И однокресельный от "Айя" и выше.

Большой кресельный подъёмник - это вам не просто сиденье с доставкой наверх. Это орудие убийства крупного калибра. Опасность здесь таится с самого момента посадки и не пропадает до высадки. Некоторым вообще не рекомендуется приближаться к подъемнику ближе ста метров. К сожалению других дорог, наверх на Чегете нет. Приходится ездить. Итак, опасности при посадке. Начинающие лыжники садятся, держа лыжи в руках. И это правильно. Они еще не знают, при

каком усилии отстегиваются лыжи. Я как-то попробовал стряхнуть снег, слегка ударив одной лыжей о другую. Вторая щелк и отстегнулась. И пришлось мне изображать спуск на одной лыже. Признаться, не очень-то весело. Мне потом сказали, что я сел на кресло номер тринадцать. А это очень опасно. Об этом я после расскажу. А вот про опасности обычных номеров я расскажу на примере одного своего отделения. Они смотрелись со стороны очень прилично, и я решил разрешить им подъем на первой очереди.

- Я поехал первым, считая, что отделение нужно принять наверху. Видимо это было ошибкой. По мере подъема креселка неоднократно останавливалась. «Мои садятся» - думал я. Доехал, вылез наверху и стал ждать. Первой ехала очаровательная почтенная дама крайне интеллигентного вида. Сухонькая в очках. Видимо никогда ранее не выбиравшаяся из тени кабинета. Окрестности подъемника произвели на нее неизгладимые впечатления, и она забыла соскочить с кресла. Пришлось останавливать креселку, осторожно отцеплять этого божьего одуванчика.

- «Я так залубовалась окружающим видом...» - оправдывалась она.

Но оказалось это только начало. Следом, через несколько человек ехал студент. Видимо плохо сдавший сессию. Или очень хорошо. Вида он был тощеватого, хоть и длинного. Темперамент имел холерический. Но когда он отбирался в мою группу, я этого не заметил.

- Студент, видимо внимательно прочитав инструкцию по применению подъемника, застегнул на своем кресле цепочку. И в таком состоянии доехал до верха. Местные красоты и на него подействовали одуряюще. Цепочку он отстегнуть и не подумал, а попробовал выпрыгнуть так. Лыжи он бросил, и дернулся вперед. Цепочка выполнила свою задачу, и он сел обратно, дернулся еще раз, поскольку про цепочку вспоминать не собирался или решил, что сумеет ее порвать. И еще раз, и еще... Так, дергаясь в конвульсиях, он проехал площадку для высадки, заехал на разворотный круг, где лихо раскачал кресло и уже собирался направиться вниз, криками и размахиваниями руками приветствуя едущих снизу. Но грозный канатчик Артур с криком: «Карусель, твою мать?!» выключил мотор и помог мне извлечь участника из кресла.

- Следующие трое участников особых хлопот не принесли. Но вот показалась семейка Сидоровых. Надо сказать, мне действительно тогда досталось выдающееся отделение начинающих. Но среди них Сидоровы выделялись. Причем в первую очередь по весовым и объемным характеристикам. Сидоров сын - Харитонов выпятил живот.

- Сидорова мама, - к животу лектор раздвинул руки.

- Сидоров папа - живот был выпячен еще больше, щеки надуты и вид стал изрядно надменный.

- Первым ехал Сидоров сын. Видимо долгий подъем утомил его. Он нуждался в движении. Поэтому увидев своего инструктора, кинул мне лыжи и бодро прыгнул с кресла. При этом верхняя часть туловища двигалась заметно быстрее нижней. Сидорову-сыну в результате удалось рухнуть мне под ноги и откатиться в сторону. Не успел я поставить лыжи вместе с Сидоровым-сыном, как подехала Сидорова-мать. Она, глядя на сына, решила, что только так и дано сходить с

кресла. Она бросила лыжи мне под ноги и кинулась за ними, как под танк. Просто хорошо, что я сумел увернуться. Но тут подъехал Сидоров-папа. Понимая, что сейчас произойдет, я попытался отойти подальше. И вовремя. Сидоров-папа обладал изрядной силой и лыжи полетели мне точно в голову. Дальше последовал бросок из кресла на снег. С креслом он расстался, но ненадолго. Поскольку размер его в области крестца превышал зазор между креслом и снегом, кресло уперлось в Сидорова-папу и попыталось потащить. Не тут-то было. Пришлось опять все останавливать. В общем, с трудом, но отделение наверху собралось.

- Потом, правда оказалось, что одна девушка Танечка не послушалась инструктора и села на кресло номер тринадцать. А ведь ее предупреждали, что некоторых участников вообще больше не видели после подъема на кресле тринадцать. Она не поверила. И вот, после очередного поворота, а спускалась она траверзами, как и все начинающие, под лыжи попадает лед. Девушка изящно изгибается и переходит в лежачее положение. Крепления срабатывают, и Танечка начинает все быстрее и быстрее двигаться вниз. На удивление бугров там было немного. И вот картина. Девушка в позе льва, с двумя фонтанами снега из-под рук, несется вниз, оглашая склон непонятными словами. Остановиться ей удалось метров через двести у елочек. Когда я к ней подъехал, то услышал ее повторяющиеся слова: «Поняла, поняла, поняла».

Орудие убийства

Убедиться в правдивости лекции удалось сразу по приходу к креселке. Кстати первый однокресельный подъемник на Чегете был установлен в 1963 году и с тех пор исправно приобщал к красоте гор толпы желающих. В течение шести лет установили еще два кресельных подъемника и все. Нет, появлялись периодически бугеля, я даже на них поднимался. Но также периодически они выходили из строя. Для поднявшихся на первой очереди или спустившихся со второй построили круглое кафе "Ай". В переводе с балкарского - "Луна".

Поездка на кресле в солнечную погоду является для горнолыжника бесплатным зрелищем. Это для горнопляжников платное. Они отдыхать приехали. Г-лыжнику важен спуск. Для этого он поднимется на гору в любую погоду. За возможность осуществить спуск побыстрее он и платит. А тут еще и поглазеть на приятные виды получается. И не только поглазеть.

Давление аравийской и скифской литосферных плит породили Кавказ. Здесь силы ядра нашей планеты значительно доступнее, чем на равнине. Вначале это не ощущается. Энергия природы постепенно пробивает заостренную броню защиты от городского окружения. Названия задают ритмику восприятия. Донгуз-Орун, Когутай, Иткол. Шхельда. Сияющие вершины демонстрируют мощь вовлеченных сил, а вид уходящей к горизонту Баксанской долины наполняет ощущением полета.

И над всем этим великолепием царит двугорбый Эльбрус.

Но это камни. А на них растут деревья. Сосны вокруг подъемника красноватой корой выделяются на фоне белого снега или темных скал. Выросшие на камнях, сосны стойко переносят превратности погоды. Сухие, лишившиеся коры стволы, выдают тайну подобной стойкости. Волокна древесины идут не по прямой линии, как у подмосковных сосен. Они скручены в тугую спираль. Попробуйте с усилием

вручную выжать скатерть. В результате получится очень похожая вещь. И очень крепкая. Для примера стукните дубинкой из скатерти по чему-нибудь ненужному. Ветки же стараются никого не бить. Только близко подъехавших или подлетевших. Для дополнительной прочности эти ветви еще и растут по спирали. Чем выше поднимаешься, тем более изломанную форму принимает дерево. Ствол согнут буквой "Зю", часть ветвей растет в землю (или в камни), корни воткнуты в малейшую щель. А сверху все такое красивенькое, с зелененькими иголочками. Да еще с белой шапочкой. Прелесть! Сосны (елки, кедры, пихты и т.п.) всегда украшают склоны.

А над этим синее небо и яркое Солнце. Энергия гор, снега, сосен, воздуха и Солнца пронизывает все вокруг. Если отрешиться от суеты городов и раскрыть себя, то сила здешних мест наполнит тебя, излечит от усталости, подарит бодрость и ...

Главное не увлекаться. А то внизу бугры уже заждались. К ним еще доехать надо.

Обычно наше отделение шло к однокресельному подъемнику. Очередей на подъем в будни было две: для обычных участников вдоль загородки и для блатных между загородкой и зоной подъема (вход через инструкторско-спасательскую калиточку). А еще попадались суперблатные. Те перли, не глядя через калиточку мимо всех. К счастью встречались они очень редко. Наше отделение спокойно стояло и болтало. Очередь бойко подходила к заветной цели. И вот появился супер-пупер.

Новейший беленький костюм для катания, дорогие лыжи, крепления, ботинки, палки. Расфуфырен до неприличия. Пролез вперед, минуя все очереди. Сел в кресло, гордо поглядывая на простых участников. Пристегиваться не стал. И правильно. Надо сказать, что конструкция нижней площадки креселки была врублена в скалу. В месте выезда кресла с площадки получилась вертикальная стенка. Небольшая. Без снега под ногами поднимающегося в кресле оставалось много свободного пространства. Но в этот день намело козырек. Белый костюм не стал унижаться до разглядывания плебейских стен. Он орлом глядел поверх голов. А носки лыж соответственно пренебрежительно опустил. В таком положении он доехал до козырька и зацепился лыжами за снег. Костюм непонимающе оглянулся. Ой! Кресло для непрерывности движения любезно наклонилось. Костюм вскинул руки и эффектно кувырнулся вниз головой в сугроб. Вах!!! Только лыжи сверкнули. Кресло продолжило подъем в гордом одиночестве. Товарищ же под общий хохот ретировался в сторону.

По субботам и воскресеньям количество очередей на подъем увеличивались до трех. В горы приезжали «шапки» - так мы, горнолыжники, называли лиц без снаряжения для катания с гор, но с меховыми шапками на головах. Это были экскурсанты из санаториев. Их привозили для осмотра гор с высоты кафе «Ай». Они организованно забивали все дыры на подъем. Так что приходилось молча смотреть и ждать, когда пройдет эта напасть. Причем лезли наверх невзирая ни на что. УПЛОЧЕНО! И однажды эти экскурсанты нас здорово повеселили.

В тот выходной установилась прекрасная погода для дня отдыха. Дня отдыха горнолыжников. Минус десять, шквалистый ветер и небольшое количество льдистых снежинок. Кататься вниз можно, но только хорошо утеплившись. А ведь еще и подъем надо пережить. Подъем на первой очереди Чегета однокреселкой делится на два этапа. Первый идет среди сосен. Ветер не сильно мешает наслаждаться пейзажем. Но вот кресло подъезжает к опоре на небольшом гребне, переваливает через него... В штиль открывается вид на вершины и превосходные могульные поля. В этот же день к виду добавилось раскачивание кресла ветром и заледенелая крошка во все щели. Хорошо, что Саша, выходя со мной кататься, предупредил о погоде. Я надел свитер, болоньевый анорак, а поверх него куртку. Перед посадкой в кресло на шапку я натянул капюшон анорака, замотал лицо шарфом и горнолыжными очками, проверил все застежки и возможные щели. Только после этого я решился лезть наверх. Но не успел я сесть в кресло, как услышал шумный спор-разговор. К подъемнику подошли «шапки»!

- Э! Воскликнул канатчик. Там навэрху холодно, дуэт...

- Ничего! У нас уплочено! – Отозвался солидный мужчина в шапке. – И к тому же все тепло оделись.

Оделись: Теплые шапки, теплые пальто. У женщин теплые... ЮБКИ!!! И сапоги с каблуками.

Тут подошла моя очередь. Я сел на кресло и поехал. Ничего так ехал до перегиба. Тепло и уютно. Ну, подвывает в соснах вокруг. И вот перегиб. Ветер мгновенно усилился до пронизывающего. Снежинки забарабанили по пластику очков. Сразу обнаружили щели в защите шарфом. Я обернулся посмотреть на "шапок". Едут.

На верхней станции подъемника оказалось, что закрыты и Чегет-2 и кафе "Ай". Я закрутил руками для разогрева. Тут и "шапки" стали подъезжать и выбираться из кресел.

- Ух, как морозит!

- Ой! Я провалилась!

И чего еще вы ждали при ходьбе на каблуках по снегу?

- А как обратно?

Вот и мыслительный процесс пошел.

- Пойдем пешком. Погреемся.

Я пришел в восторг от перспективы предстоящего зрелища.

- Соберемся группой и пойдем. Даже поедем. - говоривший достал пластмассовую пластину с веревочкой. - Надо было брать санки.

- Но сперва сфотографируемся. Вон и Солнце выглядывает.

Мне очень хотелось посмотреть на их спуск, но двигаться хотелось еще больше. Я поехал вниз. По дороге я останавливался и смотрел на женские ножки, ехавших вверх на кресле. Обладательницы ножек старались изо всех сил завернуть их в юбки, да так чтоб не поддувало. На деревянном кресле это было сложно. А порой и опасно.

Второй подъем начался относительно спокойно. «Шапки» уже все уехали и небольшое количество еще неотмороженных горнолыжников энергично занимало кресла. Я уже ехал вверх, как вдруг услышал удивленные возгласы.

- Смотри, кто идет!

Я оглянулся. К подъемнику шли негры. Два очень загорелых жителя Африки жаждали покорить вершину, ну или что там им обещали. В коротких кожаных куртках и кожаных кепках. Даже глядеть на них было зябко.

О проблемах Африки я мог думать только до перегиба. Дальше думал только о своих. Погода расшалилась. Задувало конкретно. Пришлось укрывать нос перчаткой. А где-то внизу раздавались веселые вопли. «Шапки» спускались по склону.

Чем ближе была конечная точка подъема, тем злее веселилась метель. Я посмотрел наверх, пытаясь сориентироваться для высадки среди «шапок». На верхней станции подъемника бойко кипела работа. Канатчик ловко выхватывал из подъезжающего кресла очередную особу женского полу в юбке, быстренько помогал ей переместиться на два метра и усаживал в отъезжающее вниз кресло. Как уже говорилось: «Крэсэлка – нэ карусэль». Если ехать по разворотному кругу в кресле – трос слетит. Вот и пришлось канатчику погреться. Мужики еще пытались что-то изображать после высадки. Пили огненную воду из фляжек. Но больше пяти минут не задерживались и отправлялись вслед за дамами вниз. Я со Старостиним тоже поехал. Но медленно. И вдруг мое внимание привлекли две фигуры на подъемнике. Я остановился. Сашка тоже притормозил и выразил восхищение увиденным.

- Ух, ты!

- Мать, Мать, Мать... - привычно ответило эхо в лице меня.

Я, как и приятель, впервые увидел СИНИХ негров. В голове начала зарождаться считалочка:

«Пять негрятят поперли на штурм Килиманджаро,
Мороз пришел под сорок - теперь они скульптуры».

А они все ехали, ехали. В кепочках и курточках. Сгорбленные и зажавшиеся. Не было у них эффектного тропического загара, черных бровей и широких улыбок. Ледяная синева щек, белый иней на ресницах и тихое сопение сквозь сопля. Вот все, на что они были способны.

- Зато они теперь точно могут про зиму рассказывать. – Прокомментировал я.

- Ага. Когда вниз спустятся. – Ответил Сашка.

Мы решили ехать дальше, но за неграми ехал обычный бледнолицый. Одетый потеплее, но без излишеств. В классической позе полуотмороженного. И приятель не выдержал.

- Мужик! – закричал он ему. – Открой свою страшную тайну. Зачем ты сюда полез?

Ответ можно было смело заглушать цензурным звуком «Уууу». Мужчина в красках живописал общее состояние, пожелания экскурсоводу, нам, горам. Потом ему стало холодно кричать, и он затих. А мы понеслись вниз. По буграм, мимо сосен, стенающих безлыжников... У них мы, кстати, притормозили. Там было на что посмотреть.

Самое главное в спуске - это начало. Если ты поехал, пошел или... Короче. После преодоления критической точки, а это обычно после потери метров двадцати по вертикали, возвращаться к подъемнику бессмысленно и опасно. А в обычной обуви и без альпенштоков - невозможно. Подготовленный человек дотащится. Ну,

на то он и подготовленный. А в нашем случае вся подготовка заключалась в распитии коньяка: у верхней станции креселки, после особо крутых бугорков, после жарких объятий первой встречной сосны. А кто не пил, тот смотрел, как лихо все преодолевают первые сто метров, и отправлялся следом. После ста метров возвращение на кресле становилось невозможным. Только пешком. Дальше и ниже.

Итак, они кувыркались. Бугры отлично преодолеваются при взгляде с подъемника. При ближнем знакомстве получается скольжение в ложбинках с обязательным падением у третьего бугра.

- Блин!

- Да кто ж так строит!

- А давайте пройдем сбоку по камням.

И все скатываются к краю трассы, где виднелись камешки. По камням идти не скользко. Только скользко вокруг них. Никто же по камням и рядом не катается. Все ровненько. Особенно хорошо смотрится склон сразу ниже бугров. Достаточно гладкая, выветренная поверхность наста метров на сто.

- Во! Здесь прокатимся!

Народ дружно садится на припасенные лежанки или просто на попу и вниз. Ура!

Женщина, вскрикивая на неровностях, едет на пластиковом пакете. Ой – бугорок. Ай – бугорок. Кувырк – остановка на боку. Здоровенный мужик несется на куске линолеума. Разгон, проезд до бугра, подскок. Мужика подбрасывает в воздух. Он, ловко развернувшись, падает в позу льва – лежа на животе, лицом вперед. Из-под вытянутых рук вырываются два фонтана снега. Вах! А вот и сосна. Бах! Здравствуй, дерево. Почти половина пути до финиша преодолена.

И вроде дальше должно быть полегче – можно держаться за деревья.

- Сколько там еще до низа?

- Еще столько, да пол столько, да еще четверть столько!

Ситуация трагическая.

Только что дерево воспринималось, как препятствие. Но вот надо двигаться дальше. И сосна сразу же переходит в разряд любимых. Ее обнимают, с ней боятся расстаться. Вполне понятное желание. Деревья сужают пространство для лыжников. В результате бугры становятся выше и укатаннее. А участков поровнее нет вообще. Только около дерева. Есть еще траверсы. Там достаточно полого и бугров, можно сказать, нет. На них народ выпадал, сбившись в сторону от направления главного спуска. По траверсу надо идти. И где взять силы, оставленные на первой половине дистанции? Лежачих становится все больше и больше.

Один подвыпивший парень взмолился, когда мы проезжали мимо.

- Ребята доведите!

Отказать себе в новом развлечении мы не смогли. Он и его приятель встали нам на лыжи позади креплений и уцепились за плечи. Понеслись! По ровному участку ехали прекрасно, вызывая зависть у лежащих по сторонам. Но траверс кончился. Начался могул.

- Все, ребята. Дальше кина не будет.

- Да нас хоть на пять метров спустите! Все лучше, чем идти самим.

Поскакали по буграм, начался трам-тарарам. Два бугра мы преодолели, набирая скорость. Затем мой пассажир, уловив удачный момент, отцепился и спланировал в длинную ложбинку. Как ему это удалось, я не понял, но он сразу обогнал меня и понесся дальше. До очередного бугра.

- Мама!

Гравитация была бессильна. Человек взлетел без крыльев. Упал красиво - меж двух стволов. Где и застрял, радостно оглашая окрестности криком.

- Вот это да!

Дурной пример заразителен. Пока я восхищался своим пассажиром, мимо провистел его приятель. Он немного не рассчитал, и его остановка была прозаической. Он схватился за ветку, та, естественно, сломалась. И пришлось пешеходу крутить колесо в буграх – руки-ноги-сугроб. От дальнейшей помощи мы с Сашкой отказались. В буграх нижней трети центра Чегета она грозила гибелью. По крайней мере, гибелью хорошего настроения. И мы поехали есть хачапури с чачей.

А «шапки» все ехали и ехали – УПЛОЧЕНО!

Погода окончательно расшалилась в давно назначенный день отдыха. Инструкторы специально выделяли такой день. Как им удавалось подгадывать под погоду – неясно. Для городского жителя. Для них – в порядке вещей. Из всей нашей группы лишь один Сергей в день отдыха решил покататься. Ему, видите ли, было жалко терять день катания. Ну не хочет слушать инструктора - пусть идет за приключениями.

В связи с днем отдыха был организован поход на Поляну нарзанов. Пешком по тропе два с половиной километра в одну сторону. Что удивительно нарзан там действительно бил из земли. Набрали мой нарзану и пошли отдохнуть в ресторанчик. Нарзанчику попить. Девушки решили, что обед будет безалкогольным. По крайней мере для них. И заказали компот. Безалкогольный марафон великолепно описал еще Ярослав Гашек в бессмертных "Похождениях бравого солдата Швейка". Так что результат был предсказуем. Графины с компотом и чачей постоянно перепутывались. А под харчо и шашлык определить

содержание алкоголя в стакане с компотом или компота в стакане с чаечей было невозможно. Особенно если вначале добавлять по чуть-чуть. Вскоре началось то, что у моряков называется травля. Все старались найти слушателей. Я рассказал про штурма средиземки и экзамен по анатомии.

- Так ты врач? - спросил Харитонов. - Ох, помню, готовила нас одна докторица к оказанию первой помощи. Забавная была. Букву Р не произносила. Мы прозвали ее г'адусник.

«П'и нег'ямом массаже се'дца ломаются два-т'и 'еб'а». Я ложусь и думаю. Ну все, сейчас она мне точно е'б'о сломает. Понажимала она мне на грудину и говорит: "Затем нужно осуществить дыхание 'от в 'от". Наклоняется и ставит мне профессиональный засос. Поднимается, а я за ней. Кому такое прерывать захочется.

«Лежите, пациент, - говорит она мне – Я еще не кончила!»

«Так я тоже!» - отвечаю.

Хохот потряс стены ресторана.

Так с шутками-прибаутками мы закончили обед, и пошли обратно.

В лагере нас поджидал Сергей с лыжей в руках. Покатался в день отдыха, называется.

Он не просто исцарапал скользячку. От удара о камень кант правой лыжи под передней головкой крепления был вырван с корнем. Взору открывался деревянный сердечник.

Вы когда-нибудь чинили свои лыжи? Если катались на Чегете, в Кировске или еще где в СССР, то чинили. Обходили ли вы пешком опасные места или неслись по наитию - камни всегда находили возможность разодрать скользящую поверхность, а то и вообще вырвать с корнем приличный кусок. И вот вы начинали поиски пластиковой пробки от советского шампанского, паяльника, напильника...

Ах, эта работа над ошибками пилотирования. Не лучше ли ее поручить профессионалу? У него есть опыт, знания. В конце концов у него есть куски скользячки от ломаных лыж. Он сделает. Раз и готова прекрасная белая заплатка из мукачевского фишера на фоне зеленого поля Елана. Ерунда! У вашего соседа по очереди на подъемник на лыже своя очередь. Из заклепок. Видимо лыжа хотела расслоиться и закончить Чегетский кошмар, но опытный мастер не дал помереть спокойно. Собрал, склепал и отправил кататься.

Для окончательного решения лыже требуется сломаться пополам. На Чегете я встречал иногда куски лыж. В основном оторванные носки. Как их отламывали – не представляю. Мне такого не удалось ни разу. Обычные деревянные беговухи в детстве ломал не раз. А вот горные считал крепкими, очень даже крепкими. Пока не увидел своими глазами, как жена сломала «Россиньоли». Впрочем, это было уже в Андорре в 2003 году. И всего-то доехала до елки меньше метра высотой, почти остановилась и упала. А лыжей наехала на елку, а под елкой ямка. Все, сердечник роськи пополам по винтам креплений. Хорошо скользячка с кантами не лопнули. Кое-как собрали лыжу и доехали до низа. Лыжа повторяла все неровности, но выдержала спуск. С тех пор я отношусь к «Россиньолам» с опаской. Через год мои опасения подтвердил Бодэ Миллер. Был такой американский супер-лыжник. Так вот на трассе супер-джи он как всегда завалился назад, да еще и на горную лыжу. Результат превзошел все, что он вытворял на трассах ранее. Подскок на бугре,

разворот в воздухе - ноги в растопырку, удар задником лыжи о склон. Бум! Лыжа мгновенно расслаивается и разлетается: скользячка с кантами вниз, сердцевина в сторону, верхняя пластина с креплениями - за неунывающим Боди. Россиньоль, однако.

Но в год знакомства с Чететом Россиньоли были почти несбыточной мечтой. Лыжи «Младость» - вот верх снаряжения. Особенно после поговорки: «Если хочешь сделать гадость - подари ребенку «Младость».

А еще были Польшпорт, Виллс... Больше всего нас развеселила модель из Италии с крупными буквами «ХЗ» на верхней части лыжи. Кстати у Сергея были не Россиньоли. Лыжи ремонту подлежали. Стальная полоса канта не разорвалась, и его удалось вколотить на место. Затем лыжу клеили, ошкуривали, заливали и заправляли скользячку. Но! Следующий день катания был потерян. А все потому, что инструктора не слушал.

Ночью повалил снег. Хорошо насыпал. В иных местах по-пояс. К счастью я уже был знаком с коварством целины. Лыжи поближе друг к дружке, попу к пяткам... Ничего сложного если ехать по прямой. Все в отделении и поехали. Это было великолепно. Длинный траверс от кафе "Ай" к южному бугелю. Приятная скорость, лыжи плывут в пухлом снеге. А его все больше. По щиколотку, по колено по... Почти по пояс. Да еще под солнышко. Да еще если первый раз в жизни. Лыжи плавно рассекают где-то в глубине сугробов. Снег клубами отбрасывается в стороны коленями. Шшшшш...

Инструктор ехал первым. Он хорошо разогнался. Мы, отделение, тоже. Но вот он остановился и повернулся к нам.

- Тормози ниже ме...

Не успел. Я подъехал раньше, выше и сбросил на инструктора горку снега. Сообрав, что к чему, я развернулся и закричал приятелю.

- Ниже!

- Чего? - не понял он, останавливаясь еще выше и сбрасывая на нас причитающуюся порцию снега.

Ковыряние в целине и заснеженных буграх было забавным. Падения, смех, вопли. Мне даже удалось наступить лыжей себе на губу. (А не надо раскатывать!) Затем мы подъехали к плачущей девушке. Миниатюрное создание полусидело-полулежало на левом боку и плакало. Руки-голова на месте, колени вместе, «смотрят» в одну сторону, а вот ниже. Взгляд на лыжи вызвал содрогание. Правая лыжа, как и положено, была направлена вперед. Левая под правой развернута почти на сто восемьдесят градусов. При этом ботинки пристегнуты. И ноги девушки в ботинках. Застегнутых!

- Оппа! – воскликнул инструктор. – Похоже ротационный перелом.

- Ааа... - ответила девушка. – Мне больно...

Но ответила как-то не акцентировано. Вроде болит, но не смертельно.

- Посмотрим...

Мы склонились над ногой. Первое, что нас заинтересовало – ботинок. Он был громадный, по сравнению с девушкой. Да и нога торчала из него аккуратно, без сломов.

- Ты какой размер носишь?

- Второй.

Мы переглянулись.

- Обuvi размер!

- Тридцать пяятий...

- Понятно. А ботинки, похоже, сорок третий. Снимаем!

Ботинок аккуратненько расстегнули и вытащили затекшую ножку. Естественно целую. Выяснилось, что лыжи и ботинки она брала в прокате. Уж какие достались. Для более надежного закрепления на ноге ботинки застегнули на последнее деление клипс. Самой не расстегнуть. Первые повороты на небольшом уклоне кое-как получились. Ну а на более опасном месте одна из лыж наотрез отказалась поворачивать. Нога в ботинке провернулась из-за разницы в размерах, и пришлось девушке падать. А так как ботинок был недостаточно велик для простого вынимания ноги без расстегивания, то девушке ничего не оставалось, как лежать, плакать и ждать помощи.

Клятва

Самой эффектной традицией альплагеря «Баксан» было посвящение в Г-лыжники.

По достижении середины смены (примерно после недели катания) инструкторско-врачебный состав проводил вечернее мероприятие. Всех еще не г-лыжников собирали на светлом пятачке и начинали церемонию. К собравшимся посвящаться выходил Харитонов.

- Ну, раз собрались, дорогие мои, придется идти. Идти по тропе ужасов ущелья дикого в чашу страшную будить бога Баксана. Только он вас может принять в г-лыжники. Спросонья он злой, так что нервным и пугливым лучше остаться. Остальные за мной.

После этих слов, желающих становилось еще больше (подтягивались опоздавшие), и начинался поход.

По темной тропе из светлой безопасности базы мы идем за инструктором. Откуда-то доносится вой. У тропы стоит девушка с младенческим свертком в руках.

- Она гуляла после отбоя! - комментирует Харитонов. - Она не послушалась моей лекции. Осуждаем!

- Уууу!

- Идем дальше!

Пройдя следующие метров двадцать, натываемся на первое препятствие. Вспыхивает свет. Двое опричников держат на табуретке под сосной незадачливого туриста с петлей на шее. Руки связаны за спиной. Один опричник зачитывает приговор.

- Он не вышел на зарядку вчера и сегодня. За такое слушание наказание одно – быть повешенным!

Выбивает табуретку из-под ног приговоренного.

- Ах!

Тело повисает на крепкой веревке, привязанной к толстому суку.

Подергавшись для приличия, повешенный затихает с высунутым языком. Фонари гаснут.

- Вот так бывает. – Замечает Харитонов. – Вроде, что там, на зарядку не выйти. А попался и повесили. Ну, не боитесь идти дальше?

- Неет. – раздается в ответ.

- Тогда идем.

Неожиданно над толпой пролетает с завываниями темное тело. В одну сторону, затем обратно. И еще раз. И еще.

- О! - восклицает Харитонов. - Это дух оставшегося в ресторане "Чегет". Он опоздал на наш автобус, и теперь вечно будет блуждать в поисках дороги в Баксан.

- У-ухууу! - с этим печальным звуком дух исчезает в темноте леса.

- Ну, что. Идем дальше?

- Идем!

- Конечно, идем!

После очередного поворота тропа выводит к лобному месту. Снова вспыхивает свет. Центральное место занимает плаха. У плахи на коленях стоит проштрафившийся участник. Руки связаны за спиной. На голове вязаная шапка, горнолыжные очки, шарф закрывает оставшееся лицо. Рядом два опричника. Остановившейся толпе зачитывался приговор.

- Он наехал на лыжу инструктора! Смерть ему! Смерть!

Всем демонстрируется лыжа. На ней нарисована царапина!

Виновного укладывают на плаху. Поднимают покалеченную лыжу.

- Нет. Не надо! – раздается из-под шарфа.

- Надо! – лыжа опускается на шею, и голова отлетает под ноги опричнику. Плаха окрашивается красным. Тело без головы дергает ногами и обмякает. - Так будет с каждым ослушником.

Идем дальше. Тропа упирается в речку Баксан. Мост поднят.

Из реки неожиданно для всех выскакивает русалка в купальнике.

- А кто мне обещал любовь жаркую. Уж не ты ли?

С этими словами хватает ближайшего парня и утаскивает под мост. А перед мостом вылезают два леших.

- Не пройти вам дальше. Не пройти!

- И в священный лес Баксана нет для вас пути!

С этими словами начинают кидать в нас здоровенные куски снега. Мы отвечаем тем же.

- А ну дружно!

Завязывается классическая игра в снежки. Нас больше. Ощутимо больше. Через минуту лешие поднимают руки и убегают в темный лес. Из толпы посвящающихся выбегает здоровенный парень и буквально впрыгивает на железный мостик. Шурх-бах! Мостик буквально рушится на опоры.

- Ураа! - ликуют все.

- Путь открыт! - говорит Харитонов.

Начинаем переходить реку. Идем по мосту. Неожиданно мост начинает трястись, из-под моста раздаются жуткие завывания.

- Это водяной нас пугает! - говорит Харитонов.

Девушки повизгивают и смеются.

Но вот река преодолена. Мы выходим на большую заснеженную поляну. Тишина. Только мы и лес, уходящий вверх по склону. Харитонов оборачивается ко всем.

- Здесь Баксана нужно позвать. Ну-ка вместе. Бог Баксан!

- Бог Баксан! - раздается несколько голосов.

- Да вы, что? Он не то, что не придет. Он даже не услышит!

- Бог Баксан!! – кричим уже все вместе, но в разноречии.

- Он же спит!

- БОГ БАКСАН!!! - ревет слаженно вся толпа. Вдали слышится эхо.

Выше по склону загораются огни, раздается протяжный вой сирены воздушной тревоги. И на поляну откуда-то со склона съезжает богато украшенная акья, ведомая опричником на горных лыжах. Следом еще несколько опричников с горящими факелами. В акье важно сидит чудище. Башка белая, глаза огромные, черные. Зубы длинные. Жуть.

- Агаа!!! Вот, кто меня разбудил! А ну признавайтесь. Почему в лесу орете?

Вперед выступает Харитонов.

- Не гневайся, о великий бог Баксан. Эти неразумные пешеходы из города хотят стать горнолыжниками.

- А они умеют лыжи от санок отличить?

- Уже долго они учатся. Даже левую лыжу от правой отличать научились!

- Да как вы сюда вообще добрались?

- А шли мы тропой ужасов. Видели кошмары полуночные. Духов летающих, да казни ослушников.

- И что. Никто не испугался?

- Неет! – отвечают все.

- И никто вас не задержал? Ни русалка, ни водяной, ни лешие?

- От русалки мы откупилась, с лешими бились. А водяной только выть горазд.

- Ага, значит бились. И с пустыми руками явились!

- Как можно? Принесли мы тебе подарок богатый.

Двое туристов выносят расписную полуведерную флягу с водкой.

- Не нарзан ли с поляны?

Опричники проверяют содержимое.

- Как можно!

Вдруг среди деревьев на склоне раздается залихватский свист и на поляну выезжает на горных лыжах еще одно чудо. На чуде кроме ботинок лишь семейные трусы-шорты и огромный лифчик. Голова в платке. Из-под платка - коса. А лицо с носом напоминает Бабу Ягу. Да это она и есть.

- Вот сестрица моя пожаловала! – восклицает Баксан. – Лядь Баксанская!

- Чтож ты, хрыч, себе подарки забираешь. А мне ничего! – начинает орать приехавшая.

- А что тебе надо то?

- А помоложе себе кого-нибудь хочу. Для утех... кулинарных.

- Экая затейница. Ну, возьми хоть этого.

Баксан указывает на ближайшего мальчишку. Опричники помогают схватить его и связать. - Ну что подойдет?

- Подойдет!

- Тогда проваливай!

Лядь Баксанская взваливает на плечо мальчишку и уезжает в темноту леса. Затем Баксан требует жертву себе.

- А ну-ка, опричники. Выберите мне жертву посимпатичнее. Размер ВО!

С этими словами Баксан поднимает руку с пальцами, охватывающими пустоту лифчика размера этак третьего. Двое опричников радостно бросаются в толпу. Девушки начинают визжать. Но кого это волнует.

Хватают первого попавшегося.

- Не подходит. Не видишь – мужик.

Еще кого-то хватают.

- Не, не тот размер!

Наконец хватают намеченную жертву. Жертва верещит, и ее, под общий вздох облегчения, тащат к Баксану. Баксан хватает девушку. Санки со сладкой парочкой опричники закрывают поднятым занавесом.

- О, молодцы! Размер подходящий! - Раздается голос Баксана.

Затем следуют вопли девушки, довольный рык. Сверху через занавес вылетают вещи девушки - куртка, шапка, свитер, штаны, лифчик. Затем вылетает несколько крупных обглоданных костей. Все. Занавес опускают. На санках отдувающийся Баксан с потолстевшим животом.

- Уфф. Теперь-то можно перейти к клятве. Все на колени!

- На колени!!! – кричат опричники.

Позади толпы инструктор жахает из двух ракетниц в воздух. Народ валится на колени.

Баксан поворачивается к опричнику.

– Читай клятву! А вы повторяйте!

Все дружно клянутся:

«Я, приехавший в это великолепное ущелье по воле нелепого случая, счастливой судьбы или глупости профорга, и прикоснувшийся к его тайне, торжественно клянусь.

Не разглашать тайны этого места жене, теще, начальнику и профоргу!

Клянусь брать отпуск только зимой и всегда возвращаться в это ущелье.

Клянусь: если горные лыжи помешают учебе, работе, семье, то бросить к едрене фене такую учебу, работу, семью!

Пусть свидетелями моей клятвы будут эти скалы, этот снег, эти сосны!

Крепость моей клятвы подтвердит водка, которую мы сейчас выпьем.

Если я нарушу эту свою клятву, то пусть меня поглотит пучина пыльных городов и кататься мне только плугом на трамвае от дома до работы!»

Москва, Москва...

Как много...

Как много вспоминается про обучение катанию в Москве и Подмосковье. Красногорск, Лоза, Чулково. Перечислять устанешь. В стольких местах поколение шестидесятников строило подъемники. Энтузиазм, мысль о создании горнолыжных баз на ровном месте, все это создавало невероятное настроение победы. Из череды серых будней появлялось событие, приобщающее к элитным развлечениям. И каким развлечениям. Катание от кладбища в Ромашково или ручеек у Лисьих гор.

Но все затмевала огромная толпа, выходящая из электрички на станции «Турист». Это было не просто «Съездить покататься». Это был целый комплекс мероприятий. Ранний подъем в ВЫХОДНОЙ день, сбор рюкзака с термосом и бутербродами, бросок на метро до Савеловского вокзала. Электричка. (К тому же по весне в электричку обычно садились дачники с рассадой. А тут мы с горными лыжами.) Ехать двадцать остановок! Затем пешочком через поле больше километра к домикам для переодевания. Шли все. Студенты, родители с детьми, пенсионеры... С лыжами на плече и ботинками в рюкзаке. С термосами и бутербродами. И предвкушением катания.

А чего стоил контроль у бугелей. Маленькая справка. Бугелем тогда назывались две вещи. Во-первых, подъемник с тросом. Лыжник для подъема должен был цеплять к нему специальное приспособление с веревкой и палкой, и, держась за него (лучше попой), ехать вверх. Это приспособление так же называли бугель. При подходе к тросу у новичков бугеля проверяли очень тщательно.

- У Вас «проходной» бугель?

- А зачем?

- У нас посередине опора. Обычный бугель отцепится.

- А такой подойдет?

- Нет. Со стальным вообще нельзя! Трос порвете. Только из алюминия или латуни!

Мы находили латунь, точили вечерами зацепы, делились схемами и чертежами. И катались. А после катания шли обратно к электричке в Москву, на метро, домой. Хотя нет. После катания шли в домики, где переобувались и пили чай из термосов всей компанией. С обязательными разговорами. Потом уже отправлялись в серые будни.

А еще катались в Москве. И, конечно, старались удивить всех своим искусством.

Все знают Килли. Нет. Все помнят Килли. Тоже нет. Короче. Это великий французский горнолыжник, засверкавший успехами сразу после Тони Зайлера (Тоже не помните?). Я книжку читал "На лыжах вместе с Килли". Юрий Визбор даже в стихах упомянул:

Потом сюда придет Жан-Клод Килли,

Пойдет на Шхельду в снеговую пыль.

Но только ты его за это не пили -

Ведь это он ходил годиль.

На всякий случай напомним, что именно Килли принимал качество подготовки

наших российских Сочей к Олимпиаде 2014 года. Килли изобрел старт с зависанием на палках. До сих пор старт Килли - начало победы. Он позволяет соревнующимся спортсменам начать набирать скорость еще до старта и уходить на дистанцию в режиме разгона. Как-то в овраге на Нагорной, где теперь расположились "Московские Альпы", мне была продемонстрирована техника этого старта. Зима только-только начиналась. Снега падало немного, а вот мороз уже успел сковать землю. Желание покататься перевесило остальные, и мы притопали через склады и гаражи к возделенному участку с приличным для Москвы уклоном.

- Старт Килли! - провозгласил мой приятель, забравшись на холмик над заледенелым склоном оврага. - Палки в снег.

Собственно, в этом и заключается старт Килли.

Палки втыкаются в снег. Затем вы поднимаетесь с опорой на палки и бросаетесь вниз, загружая носки лыж, включая секундомер и набирая так необходимое для победы ускорение. Все спортсмены делают это. И приятель сделал. Только вот после летнего расслабления ему крепления никто на зиму не затягивал. Щелк. Задники четко отработали ответ на нагрузку. Шмяк! Лыжи остались на месте, а приятель рухнул на живот и понесся покорять ледяные просторы. Ехал он недолго и только на пузе. Я лично на Тростяне свистел по трассе значительно дольше. Но приятелю удалось главное. Он показал настоящий «Старт Килли».

В московском горнолыжном регионе я катался на разных склонах, но чаще всего - в Крылатском.

Впервые Крылатское упоминается в документах князя Василия Дмитриевича аж в 1417 году. Говорят и Иван Васильевич (Грозный) любил здесь отдыхать, даже почувствовал в освящении местной церкви осенью 1554 года. Много событий видели его жители. Даже развитие дач в конце 19 века. Стояло село до 1960 года, когда Крылатское присоединили к Москве. Очень даже вовремя присоединили. Скоро грянула Олимпиада 1980 года. Только-только успели избы снести и Олимпийских объектов настроить. Как устояла при этом церковь - одному Богу известно. Значит, не даром под холмом чудотворный ключ бьет. (Кстати там, в начале 19 века 12 октября явилась икона Богородицы). В 1941 году, когда немцы под Москвой стояли, под предлогом борьбы с ориентиром для артиллерии разобрали храм до первого этажа. Дальше не стали, хотя могли, и сделали склад. В 1989 году храм решили восстановить, и он снова принял прихожан. А к ключу как ходили, так и ходят.

Крылатское запомнилось многим. Здесь я делал первые шаги с лыжами на ногах, здесь я сумел сделать прыжок с трамплина в стиле «Казак». Даже приятеля уговорил запечатлеть мои кривляния на фото. Юра давно увлекался фотографией и даже освоил печать цветных фотографий. Для 1993 года цветное фото было в основном делом журналистов-документалистов и фанатиков-любителей. Черно-белые фотографии я кое-как научился сам печатать. Но когда я прочитал про процесс получения цветных, то проявил малодушие. А вот Юра – нет. Чем я всегда восхищался. К тому же у него был фотоаппарат «Зенит», а он всегда считался высокого качества. Уговорить его поснимать меня удалось довольно быстро.

И вот мы в Крылатском. Мороз минус десять. Юра занял боевую позицию. Я потопал вверх. К сожалению, мой любимый трамплин находился на верхней части склона и несколько в стороне от подъемника. Для сокращения времени ожидания Юры, мне пришлось заниматься пешим подъемом. И ускоренной остановкой. После первого прыжка я резко затормозил и упал. Мягко и с фонтаном снега. Ну не хотел я влетать в дерево. Встаю, а Юра спрашивает.

- Ты цел?
Да с таким участием спрашивает.

- Цел, конечно! - Отвечаю.
- А ты всегда так падаешь?
- Нет, - говорю, - я сейчас хотел побыстрее остановиться.
- Понятно.

Видимо Юра решил, что я сильно ударился и не хочу признаваться. Но после нескольких прыжков и падений он понял, что я уже давно сильно ударился. Еще когда

решил заняться горными лыжами. Больше он не интересовался моим самочувствием. Хуже было другое. Через полчаса он объявил.

- Что-то тихо пленка в "Зените" протягивается.
- То есть?
- Холодно. Пленка могла лопнуть.

Первая фотосессия провалилась. В "Зените" банально порвалась перфорация пленки, и все снимки пришлись на один кадр. А я то - распрыгался.

Пришлось вытаскивать его еще раз. Погода была потеплее. Юра уже приловчился ловить меня в кадр и не пугался моих падений. Съемка удалась. Но когда я увидел фотографии... Люди! Прежде чем хвастаться своими достижениями лучше попросите эти достижения заснять, а потом в одиночестве на них посмотрите. На фото я был клоуном. Руки, ноги, выражение лица. «Крылатский ас» в лучшем виде. Хотя один кадр получился. И ради него стоило таскаться пешком вверх-вниз, делать неудачные дубли и ловко падать, гася скорость.

К счастью для моего самомнения все когда-то бывают клоунами на склоне.

Кольский полуостров. Кировск.

Кировск заполярный. Здесь я на себе прочувствовал многие особенности национальных горных лыж. Именно здесь я встречал линолеум (миллиениум – 2000 г.). Кстати в Кировске получается встреча Нового года в ночь с тридцать первого на второе. Первое исчезает целиком за счет малой продолжительности светлого времени суток.

И именно на склонах Айкуайвенчорр я полюбил полеты на парашлане.

В лыжах, в гамаке и стоя.

Мое первое знакомство с парашланом произошло на Крылатских холмах. В древние времена, когда я только-только учился различать правую и левую лыжи (точнее горную и долинную), со склонов известного оврага планировали и пикировали дельтапланеристы. Полеты впечатляли не сильно. Особенно после взвешивания аппарата. Таскать трехпудовую конструкцию ради кратковременного отрыва от земли – радости мало. А непонятная перспектива с поездкой в горы оставляла в рядах дельтапланеристов лишь фанатиков. Прошли годы и в Крылатском дельтапланы

исчезли. Зато появились парашютисты. Планирующие. Как-то осенью затащил меня туда Старостин на предмет полетать. Сам он считал себя опытным летуном. Парашлан весит в разы меньше дельтаплана и удобен в переноске, поскольку быстро пакуется в рюкзак. К тому же меня прельстила идея раскрытия парашюта ДО отрыва от земли. С одной стороны отличия парашлана от парашюта небольшие: более вытянутая эллипсоидная форма и большая площадь. Но конструкция парашлана не рассчитана на раскрытие из свободного падения. Это парашют планирующий - крыло с неплохими взлетными характеристиками. Достаточно иметь суммарную скорость пилота и встречного ветра двадцать пять километров в час и все. Парашлан поднимает в воздух с поля.

Погода в тот день стояла солнечная с небольшими облачками. Мы забрались на холм с основными подъемниками (точнее их опорами). На его вершине уже разложили свои парашланы с десяток пилотов. Еще несколько тащились вверх по

склону с мешками на плечах. Находящиеся ближе к спуску встраивали себя в различные системы, пристегивали парaplаны и начинали стартовать. Ветра хватало не всем. Кому не везло – тот бежал с расправленным парaplаном до самого низа, лишь изредка взлетая на пару метров. Другим ветер ловко складывал купол в кучу еще на старте. Но были и везунчики. Они спокойно дожидались нужного порыва и взлетали. И даже маневрировали в воздухе.

Вскоре Старый нашел для меня купол с подвесной системой. Навесил, на меня кучу веревок, обозвал их стропами, начал объяснять, когда за какие тянуть. Вревок этих не меньше сотни. Оказалось, что за все тянуть не надо. Упрощение задачи позволило перейти к практическим занятиям.

Я подергался, побегал, сложил несколько раз при старте купол. Наконец мне удалось сносно вывести парaplан над собой, и я побежал вниз.

- Крыльями маши!

Ага. А если споткнешься? И споткнулся. Парaplан попытался удержать меня от падения. Мне же показалось, что вот оно, лечу. Действительно пролетел несколько метров. Даже ноги вперед вытянуть успел. Соответственно на зад и приземлился. Но успел вскочить и побежать дальше. До низа еще разок оторвался от склона. Кое-как приземлился на ноги. Собрал купол и залез обратно. А там новая вводная. Оказывается, ветер меняет направление, и все начинают миграцию на другой холм. Это метров пятьсот обхода. Можно и здесь остаться - дожидаться очередного изменения направления ветра. Процесс полетов в этот день напоминал длинные переходы с мешками или с раскрытыми парaplанами.

Ждать улучшения положения с ветром я не захотел и поехал домой. Потом мне передали, что фанерное сиденье треснуло под моей филенной частью. Это было признано основным фактором, повлиявшим на мой быстрый уход со склона.

Настоящий же вкус к полетам я познал в Кировске заполярном.

Первая поездка в славный город Кировск оказалась не менее впечатляющей, чем знакомство с Чегетом. Мы ехали не просто кататься. Мои приятели - Саша Старостин и Сергей Зинченко решили развлечься с прокатом парaplанов. Так что рюкзаков с парaplанами «Рашка» мы взяли много. А для ускорения доставки решили лететь на самолете. При виде парашютных мешков пассажиры заволновались. Мы их постарались успокоить.

- Аэродром в Апатитах маленький. Полосы может не хватить, и самолет садиться не будет. Тогда, чтоб не лететь в Мурманск мы выйдем прямо в воздухе.

- Да мы всегда там выходим. – Радостно добавил Сергей.

С выходом в воздухе не сложилось. Посадка была мягкой. А там нас уже встречал автобус гостиницы "Спорт", которую мы сделали своей базой. Поселились и пошли на склон Айкуайвенчорр, где Старостин на правах инструктора (горнолыжного) начал ставить меня на крыло.

Старт наметили с перегиба. Начинать с самого верха Старостин посчитал опасным. Ветер может быть непонятный, кое-где камни торчат, да и высота будет под четыреста метров. А на перегибе все условия для чайника. Ветра нет, гладкий разгонный склон без пропасти и камней. Лыжников мало. То, что надо. Выбрали место и разложили купол. Каждый раз при раскладке купола поражаюсь количеству веребочек. Процесс их распутывания радует всегда. Дополнительной

особенностью старта зимой является наличие скользкого снега. Правда если купол раскладывать на гладкой поверхности без уклона, то проблем не возникает. Зато снег позволяет стартовать на лыжах. А это обеспечивает плавность набора скорости и вывода парашюта над пилотом. Впрочем, меня тогда волновало совсем не это. У меня начинался предстартовый мандраж. Сашке хорошо. Он по земле ходит, народ развлекает.

- Что делаете?

- Да вот змея сейчас запускать буду!

А змей – это я с парашютом.

- Так. С веревок сойди, лыжи одень, с веревок сойди, держи правую группу, держи левую группу. Так, перебрось через шлем, с веревок сойди. Я сказал сойди, а не садись! Стой на месте! Так. Все веревки свободны. Теперь вспоминай. Едешь, тянешь за передние. Как купол выйдет над тобой – бросаешь их и подрабатываешь управляющими клевантами. При этом смотри на купол, чтоб точно над тобой был. Все, страус. Щас я тебе центр подниму и поедешь.

Сашка забрался к центру парашюта со стороны вершины и поднял центральные воздухозаборники. Поле зрения у меня потихоньку сжималось до центральной линии.

- Готов?

- Ага!

- Пошел. Работай!

Я повернул лыжи вниз по склону и потянул матрас за собой.

- Работай, страус, работай! Выталкивай его корпусом!

Я постарался наклониться вперед, помогая работой головы набору скорости. Соответственно я не то, что купол не контролировал. Я почти не видел куда еду. Мелкие бугры начали разбалтывать лыжи. Вспомнив про руки, зажимающие концы веревок я попытался их вытолкнуть вперед и вверх. Позади жутко зашуршал купол, затем меня дернуло назад. И тут раздался истошный вопль Старого.

- Всёоо!!!

У меня аж ноги подогнулись. Неужели это все? В отчаянной попытке сохранить жизнь я бросил переднюю группу строп и начал тормозить вправо с переходом в падение. Куполу только этого и было нужно. Он резко пошел на снижение и накрыл меня центром. А я как раз собирался падать. "Уши" парашюта оказались быстрее моей скромной персоны. Миг и я лежу в центре огромной простыни. Ткань скользкая. Я продолжаю спуск, пытаюсь остановиться. На самом деле я просто наматываю на себя метры ткани и бесчисленные стропы. Я боролся как лев. В результате упаковался на редкость плотно. Хорошо еще лыжи не отстегнулись и исполняли роль тормоза наравне со мной. Мысли были о приятном. Приятно знать в таком положении, что впереди нет пропасти. И все-таки я остановился сам. Закантовался обратным плугом лежа вверх ногами. Дальше было проще. Подъехал Сашка и помог мне выбраться.

- Ты зачем стропы бросил? - спросил он меня, когда моя голова высунулась из складок болоньи.

- Так ты же сам заорал: «Все!»

- Э! Это я кричал, что ты купол вывел над собой и пора отрываться от склона.

Как я и учил. Отпускаешь аккуратно передние и подрабатываешь клевантами.

Вторая попытка взлететь увенчалась успехом. «Рашка», шурша, вышла в зенит. Шорх. Наполненный ветром купол натянул стропы, подвеска уверенно передала усилие на сиденье. Меня потянуло вверх, лыжи легко оторвались от снега и... Это ощущение невозможно сравнить ни с чем.

Легкий страх высоты уходит при виде Кировска на фоне уходящего к горизонту Вудьяврчорра. Город резко заканчивается у огромной белой равнины. Эта равнина - озеро Большой Вудъявр (общая площадь 3,24 кв.км). До старта на верху склона так же можно было смотреть на большое расстояние. Но тогда под лыжами скрипел снег и за спиной стоял камень. А сейчас расстояние присутствует со всех сторон. Пусть сто метров, но уже впечатляет. Это уже взгляд с высоты птичьего полета. Интересно, как там параплан? Откидываешься на спинку системы и смотришь на купол. Красота! Десятки строп натянуты, как струны и ветер поет в них свою песню. Огромное двухслойное крыло кажется замершим на фоне синего неба. Рты воздухозаборников жадно раскрыты, ткань секций натянута, как на барабане, и создает ощущение монолитной конструкции.

Но долго смотреть наверх нельзя. Неусыпная бдительность! Куда летим, чем рулим, как летим ... Да хорошо летим! Внизу проплывают маленькие лыжники, два заметных снегом трамплина. Парим! Вот уже и машинное отделение креселки показалось. Сашка предупреждал над ним не летать. Пора на посадку. Легкое движение клевантами, и купол, напоминающий количеством веревок старинный фрегат, величественно разворачивается. Такие чувства я испытывал только при полетах во сне. Разворот на параплане отличается плавностью и движением по всем осям трехмерного пространства. Можно разворачиваться и медленно, и быстро, главное не гасить купол. На каруселях получаешь сходные движения, но здесь-то управляешь процессом сам.

На последок, остается просвистеть над верхушками деревьев и шапками лыжников. Это добавляет адреналина. А вдруг высоты не хватит и придется садиться на елку? Нет уж. Никаких елок. Еще один вираж и выход на свободную от неподвижных и подвижных препятствий площадку. Все. Здравствуй сугроб. Полет окончен.

Через несколько лет я все-таки попробовал полетать над нижней станцией канатно-кресельной дороги. Это было похоже на карусель. Стоило оказаться над ней, как мощный поток теплого воздуха выталкивал меня вверх. Я закладывал небольшой круг и вновь оказывался в точке подъема.

После третьего круга я понял. Или долго мелкими кругами набирать высоту, или быстро приземлиться и ехать на кресле за новым стартом. Мне показалось интереснее летать над склонами с лыжниками. Я развернул параплан в сторону от креселки и пошел на посадку. Хотя другие пилоты спокойно набирали высоту и уходили искать линии ЛЭП над городом.

Я буду летать!

Склоны Айкуайвенчорр идеально подходят для начала полетов на параплане с лыжами. Есть места, особенно наверху, где можно спокойно разложить купол на ровной поверхности. А затем быстро набрать скорость на хорошем уклоне и легко оторваться от склона. После взлета перед пилотом будет большое пространство, где вполне устойчивая ветровая обстановка. И с местом для посадки все хорошо. Между нижней станцией креселки и домиком горнолыжной школы огромная площадка. При заходе на нее очень легко развернуть параплан против ветра. В результате уже третья посадка будет выглядеть просто красиво. Параплан почти останавливается, лыжи касаются снега пятками. Легкий хлопок скользящей поверхности и пилот стоит на снегу. Все замирает. Пилот, наполненный ветром параплан над ним и время. Выглядит эффектно, особенно для самого пилота. Но вот неподвижность заканчивается. Легкое движение клевантой, и огромный купол, мягко шурша, валится секция на секцию вбок, складываясь в компактную кучу. Полет окончен. Надо паковать и на креселку, наверх.

При сильном ветре на перегибе у верхней станции креселки стартовать невозможно. Приходится искать стартовую площадку ниже по склону. А иногда вообще забираться подальше в сторону "Цирка". Вот там ситуация со стартом была совсем иной. Склон достаточно гладкий и с уклоном, позволяющим параплану спокойно сползти вниз, пока идешь пристегиваться. Бороться с этим сложно. Иногда требовалось двое помощников для удержания купола на месте. У меня помощников не было. Пришлось изобретать крепления. Снег вредит - снег помогает. Под парапланом я делал несколько углублений в насте, а сверху на ткань клал куски снега. Купол это кое-как держало. Правда во время отрыва и подъема надо мной сверху сыпался дождь из приличных снежных комков.

Как-то раз мы целой толпой решили стартовать из цирка. Разложились, кто как смог и поехали. Парапланы легко скользили вслед за лыжами и упорно не желали взлетать. Даже несколько снежных комков не дало эффекта. Неприжатые части параплана легко набирали скорость и увлекали за собой все остальное. Первое же движение лыжами нарушило зыбкое равновесие и купол, радостно шурша, обернулся вокруг моих ног.

После первой неудачной попытки я загрузил разложенный параплан по полной. Очень большими кусками снега. Пока грузил, остальные пилоты съехали со своими скользящими парапланами метров на двадцать ниже. Они бодро делились впечатлениями от неудачи на старте. А заодно комментировали мое строительство иглу над куполом. Ха! Зато пристегнулся без проблем. Параплан лежал, как вкопанный, хотя большая часть все-еще виднелась из-под снега. И я рискнул. Начал разгон. Купол подумал и тоже начал разгон. Без отрыва от склона. Да еще и с надеждой догнать и перегнать. Пришлось надавить сильнее вперед. Купол немедленно отреагировал. Поднялся в положение тормозного парашюта и дернул назад. Я повалился на задники лыж. Купол погас.

- Все!

- Тормози!

- Гаси купол!

Раздались многочисленные советы, когда я миновал невзлетевших.

- А вот вам с кисточкой!

Я оценил, что лыжи все еще везут меня-лежащего точно вниз, а купол расправлен и уже по новой пытается подняться. Энергичное движение руками вверх и вперед и... Шуршание! Знакомое шуршание, выходящего вверх парашюта. А я все еще лежу на лыжах и ловлю падающие снежные глыбки. Ух, ты! А купол-то вознамерился спикировать вперед меня и рухнуть так, чтобы я в него и влетел. Перспектива ехать донизу в упаковке из парашюта меня не прельщала. Я бросил передние стропы и потянул за клеванты. Купол притормозил и пошел прямо от склона. Меня оторвало от лыж, лыжи от снега. Ура! Я лечу! Я лечу! (Кричала лягушка)

Я изящно повернул в сторону города и посмотрел вниз. Оппа! А высоты-то может и не хватить - как раз выхожу на равнинный выкат подъемника «Букашка» на середине склона. Посадка на равнину чревата долгим ковылянием с мешком на лыжах и по пересеченной местности. Не хочу! Парашют тоже не хочет. А снег все ближе. Я начинаю искать место без никого. Такое находится рядом с нижней станцией бугеля. Правда оно заканчивается обрывом. Но у меня же парашют. К тому же открытый. Решение приходит мгновенно – нужно повторить старт. Хватаю передние стропы, и в этот момент лыжи касаются снега. Я резко наклоняюсь вперед и делаю все возможное для удержания парашюта на оси моего движения. Скорости пока хватает. Руки вперед и вверх. А вот и обрыв. Ух! И подо мною снова метров десять, двадцать, тридцать... Это уже встречный ветерок начал помогать. Прохожу над домиком школы. Все. Пора заканчивать, а то везение кончится. Быстрый разворот, выпуск шасси из-под мышек, касание. Шшшш. Купол погашен. Пора вытряхивать снег.

Больше из цирка мы старались не стартовать. А для проката выбирали только хороший ветер. Или вообще без него. Для приключений достаточно было выдумки самих пилотов.

Но далеко не все хотели самостоятельно падать с большой высоты. Для таких случаев у Старого была вторая подвеска. На основную цеплялся пассажир, за ним пристегивался пилот. Затем получившееся четырехлыжное чудовище о двух головах пыталось взлететь. И ведь взлетали. Наличие двойного веса сокращало высоту и время полета, зато здорово стабилизировало парашют в воздухе.

По окончании полета все делились впечатлениями.

- Ты забавно кричала!

- А что?

- "Ух" пауза, "как" пауза, "здорово" пауза. Ух" пауза, "как" пауза, "хорошо".

Но всех превзошла одна очень опытная горнолыжница. Невысокая, сухонькая.

Для начала ее пытались отговорить многочисленные друзья. Но она была непреклонна.

- Я двадцать лет катаюсь. Надо пробовать новое. Я уже два дня хочу летать!

И полетела. Полет прошел штатно. Взлетели, покрутились, сели. Выстегиваются. Друзья окружили героиню.

- Ну как оно летать?

- Ну, это... Как бы лучше объяснить. Ну... Это лучше, чем с чужим мужем!

Мы рухнули. От хохота.

Значительно интереснее проходили дни проката парапланов новичками в автономном режиме.

Один при старте аккуратно зацепил стропу средних рядов за клипсу ботинка. Взлететь это не помешало ни в коей мере. «Рашка» четко вышла над стартующим. Стропы натянулись и лыжи оторвались от снега. А вот дальше пилот попытался залезть глубже в седло подвесной системы. Щасс. Параплан вытягивал стропы на всю длину. А заодно поднимал вверх ногу с лыжей. Пилот попытался дернуть ногой вниз. Рашка начала угрожающе складываться. Оценив ситуацию, пилот оставил ногу в покое. В позиции писающего кобеля начался полет за приключениями. Недолгий. Пилоту очень хотелось на землю, Купол тоже был не против. Однако на все повороты в сторону ближайших камней пилот отвечал, что хочет в другую сторону. Кое-как они пришли к компромиссу и приземлились на безопасном равнинном участке.

Следующей была крутая девица.

- У меня уже больше сотни прыжков с парашотом! - заявила она.

- Хорошо!

Девица действительно умело обращалась со стропами. Быстро встегнулась, быстро расправила группы, быстро подготовилась к старту. Взлетела на ура. Влезла в систему и решила повернуть. Да! Сто прыжков с парашотом выработали соответствующие рефлексy. Для поворота «Рашке» требовалось опустить клеванту сантиметров на двадцать.

- Что ты делаешь... - Сергей с тоской наблюдал отработанное девушкой вытягивание клеванты ниже попы.

Рашка бодро повернула налево, заложив обалденный вираж.

- Это называется унитазный рефлекс. - Прокомментировал Старостин. - На парашоте нужно очень сильно тянуть клеванты.

Парашотистка, тем временем, решила добавить ощущений и, отпустив левую, вытянула правую клеванту. Купол аж взвизгнул от радости, переключаясь из левой петли в правую. Девицу в подвеске швырнуло по дивной траектории.

Не растерявшись, отважная парашотистка выпустила правую клеванту и вытянула левую. Параплан, наконец, понял, чего хочет сам. А именно: покончить жизнь самоубийством. И повернул к креселке, мечтая, видимо, повиснуть на тросе. Все дальнейшие дерганья клевант девицей купол трактовал исключительно в направлении полета на трос. Их мотало из стороны в сторону, как шаланду в пятибалльный шторм. Но креселка приближалась с неумолимостью похмелья. Мы приготовились к худшему.

- Кажется, придется резать стропы. - Предположил Сергей.

- Посмотрим.

Нас спасло незнание парапланом рельефа местности. Достигнув выполаживающегося участка склона, парочка лишилась возможности лететь вперед за счет потери высоты. Все-таки парашотные рефлексy сделали свое дело. Купол продолжало швырять немилосердно то вправо, то влево. Каждый поворот требовал ощутимой потери высоты. Так что после очередного дикого маневра

парашютистка благополучно стукнулась лыжами о снег метрах в двадцати от троса. Купол грустно рухнул рядом. Попытка суицида не прошла.

К сожалению параплан от своих намерений не отказался. Об этом мы узнали довольно скоро.

Очередной теоретик-любитель воздушных выкрутасов попал на этот купол. Летал он спокойно. В смысле купол. Чем и усыпил бдительность пилота. Над стандартным местом посадки параплан вышел с приличной высотой. И пилот купился на это. Решил перелететь креселку и приземлиться ближе к автобусной остановке. При пересечении точки невозврата параплан резко пошел на снижение и ловко повис на тросе креселки между выездом с нижней станции и первой опорой. Креселку тут же остановили. Пилот болтался в системе, прикидывая как лучше отстегнуть от подвесной системы стропы. И тут появился тот, кто страшнее дурака - дурак с инициативой. Какой-то доброхот крикнул.

- Спокойно! Я сейчас помогу.

Подбежал, вытащил ножик и ловким движением перерезал все стропы. Ура! Мечта параплана сбылась. Но это оказалось еще не все.

Вечером герой заявился к нам в гостиницу с убитым парапланом и горящими глазами.

- Ребята! Я буду летать!

Бывает ли много снега?

Нет! Бывают короткие палки.

Кировск заполярный - город молодой.

1 января 1930 года в домике у подножия горы Кукисвумчорр на совещание под председательством тов. С.М.Кирова было принято решение о начале рудных разработок, строительстве обогатительной фабрики и при ней населенного пункта. На строительство согнали кучу крестьян и прочего народа: «Тихой песней встретили, и в забой отправился». В местном музее сохранилась даже купчая на шестерых заключенных между УСлагом (руководством Соловецких лагерей) и трестом «Апатит». Среди выкупленных – главный проектант Кукисвумчоррского рудника Петр Николаевич Владимиров.

К счастью для поселенцев Киров проявил человечность и отстоял для этого поселения статус города, а не концлагеря. Поначалу набор палаток, землянок и бараков наименовали Хибиногорск. Но в 1934 г. Кирова убили, и жители города обратились с просьбой увековечить память Сергея Мироновича. Так появился на карте город Кировск. (А так же еще 22 города имени Кирова). Но что удивительно - названия природных образований, данные им коренным населением, трогать не стали. И катаемся мы по склонам не имени ЗамКом-по-МорДел (Заместитель комиссара по морским делам), а Айкуайвенчорра и Кукисвумчорра. Красиво звучит. Айкуайвенчорр в переводе с саамского означает «голова матери бога» или "снежная красавица". Очертания вершины действительно напоминают профиль лежащей на спине женщины. Так что катание носит эротический оттенок. Кукисвумчорр переводится попроще – «Гора у долины». Ничего не поделаешь: «Что вижу – то пою, однако».

Горнолыжный же комплекс Кировска стал развиваться в конце тридцатых годов двадцатого столетия. С 1937 года в Кировске проходили республиканские соревнования по горным лыжам, активно развивали советскую горнолыжную школу. И до сих пор здесь проводят разнообразные соревнования вплоть до мирового уровня. А вот с подъемниками негусто. Один однокресельный и куча бугелей. И все это хозяйство создавалось в конце шестидесятых по более ранним зарубежным моделям. Когда финны приехали модернизировать креселку, то сразу задали вопрос: "А где здесь паровой котел?" Оказалось, что такая модель подъемника у них соответствует эпохе первой трети двадцатого века. Но креселка, как пионер, всегда готова. Была идея второй очереди на вершину. Спланировали, поставили кучу опор по гребню. А потом выяснили розу ветров. Оказалось, что ветер будет регулярно сдувать трос с креслами и пассажирами. Не менее глупо проступили и со строительством трамплинов для летающих лыжников. Они поставлены точно для удара ветра в бок летуна. Вдобавок этот ветер регулярно засыпает трамплины снегом. Так что тренироваться можно только в полный штиль. Эту бы активность, да в мирных целях.

Другое дело природа. Снег здесь лежит почти восемь месяцев. Длительность горнолыжного сезона – с ноября по июнь. В некоторых оврагах можно кататься круглый год. Причем кататься в Кировске действительно интересно. Особенно в апреле. Солнца много. Любители делают снежные пещерки-линзы и загорают.

Огромные поля снега, расположенные налево от креселки, покрываются крепкой ледяной коркой. По ним можно нестись без опаски налететь на чайника или на могульный участок. Проблема с возвращением к подъемникам. Либо пешком, либо длинный траверс по крутому ледяному склону. Без острых кантов там делать нечего. Как-то раз к нам со Старостиним набивалось в компанию двое на лыжах «Младость». Мы всячески от них отбрыкивались, но они все равно поехали за нами. Где-то посреди солнечных полей они отстали. Больше мы их не видели.

Вторая главная заповедь горнолыжника: "Не ехать по чужим следам".

Эту заповедь я старался на себе не проверять. Мало ли где эти следы кончатся. У обрыва, у речки, у пешеходной дороги или вообще у открытого бара. Везде облом дальнейшему катанию.

Хотя облом штука двусторонняя. Где-то облом, а где-то и плюс. Вот сидели мы со Старым у телевизора в гостинице «Динамо». И приносят нам друзья по стакану рассолу. Мы с Сашкой выпиваем.

- Классный рассол!

- С перчиком!

А на лицах подателей – облом.

- Как? А вам нормально?

- Там же перца накидали – все во рту горит!

Ребята решили без нас съесть баночку помидор с перцем, да обожглись. Мы могли только посочувствовать. Хуже бывало, когда Старостин голой задубелой рукой чан кипящей воды с костра снимал. Ему все нипочем. А народ, что купался на голую руку, хватал сам такой же рукой и жегся. Облом, однако.

Также в апреле много снега. Катание по целине доставляет непередаваемые ощущения. Особенно если развести в стороны передние концы лыж. Лыжи мгновенно разлетаются в обратный плуг, а вас кидает лицом в снег. Тут надо сгруппироваться и помочь телу совершить кувырок вперед. И не забыть при этом лыжи. В глубокой целине все происходит мягко и плавно. С фейерверком снежных хлопьев. Можно даже успеть правильно поставить лыжи и продолжить скольжение вниз. Сухой снег сам осыплется.

Очень хорошо для подобных развлечений подходят кулуары налево от подъемника «Букашка». Или направо от «Южного». Хочешь, плыви в пухляке, хочешь, прыгай с бортика. Один раз после ночного снегопада решил я расписать целину. Поехал с "Южного" в кулуары. Солнышко светит. Мысли радостные. Сейчас, думаю, соскочу с бортика и пройду по центру ложбинки. Для таких мечтателей в Кировске припасены особые ловушки.

Я спрыгнул и допустил ошибку, излишне опустив носки лыж. Совсем чуть-чуть. Снег нежно принял меня. Лыжи нырнули в пухлячок. Глубже, еще глубже. Я загрузил пятки в надежде всплыть. Не тут-то было! Только провалился еще ниже. Легкий рывок и остановка. Я в снегу почти по уши. Вокруг никого. И тишина... Могу копать, однако.

Так что в Кировске не всегда получается опереться на палки. Они могут уйти в снег по рукояти и не дотянуться до твердой поверхности. Проверенно не только в кулуарах, но и на открытых площадках.

Потом мне рассказали душераздирающую историю. Как-то проводили на

Айкуайвенчорр соревнования по фристайлу. Сделали под вечер могульную трассу. Ночью снегопад. Утром приходят - вместо бугров - платок. Гладко до грусти. Весь день восстанавливали трассу. Ночью... Конечно снегопад. Утром - гладь-благодать. Но человеческое упорство пересилило. На следующий день соревнования состоялись.

Больше же всего не повезло со снегом одному сноубордеру. Он так же, как и я, вошел в глубокий снег. Но стояла оттепель. Снег был вязкий. А отстегнуться от сноуборда, залегшего на глубине полутора метров сырого снега, задача архисложная, хоть и архиважная. Надо копать, отстегиваться и опять копать. Доску так просто, как лыжу, снег не отдаст. Правда это если знаешь, где лыжа под снегом лежит.

На снег и солнце всегда слетается куча народа. И куча чайников. Вот только с инструкторами в Кировске было туго. Я тогда сам еще учился кататься и в учителя не набивался. Зато любил послушать опытных лыжников, ставших по собственной инициативе обучающим персоналом при новичках.

- Ты пойми. – Втолковывал инструктор Анюте из нашей компании, когда мы стояли у нижней станции креселки. – Первый раз на горных лыжах в горах – это как первая брачная ночь. Очень хочется, ничего не знаешь и никакого удовольствия. Спроси кого хочешь.

Все постарались морально поддержать. Повспоминали свои удачи при знакомстве с правой или левой лыжами. Тут к нам подошла еще одна девушка, первый раз приехавшая в горы.

- Неужели я так плохо выгляжу? – возмутилась она непонятно с чего.

- Да нет. – Удивились мы. – А что случилось?

- Иду я сейчас после катания. На ногах ботинки тяжеленные, на глазах очки, в руках лыжи, палки... Еле двигаюсь. Навстречу идет мама с трехлетним ребенком. Ребенок поднимает на меня взгляд и резко останавливается: " Мама! Я знаю, кто это. Это монстр!"

Мы рухнули от смеха.

По вечерам в апреле за полярным кругом Солнце светит долго. После катания и обеда можно спокойно погулять по городу. В мой первый вечер в Кировске мы вышли прогуляться вокруг гостиницы "Спорт". Совсем рядом находилась ровная площадка. Я решил пройти по ней и чуть не упал, зацепившись за непонятную трубу, лежащую под снегом.

- Что за ерунда? - удивился я.

- А ты посмотри туда.

Сашка указал на большой щит, вертикально торчащий из сугроба. Щит был когда-то покрашен белой краской. Внизу по центру виднелся синий прямоугольник, уходящий в снег. А еще к щиту было приделано на уровне снега большое кольцо.

- Мама, дорогая! - воскликнул я. - Да это баскетбольный щит.

- Именно! - рассмеялся Сашка. - А спотыкался ты о турник.

Мы немного прошли по спортплощадке. К нам уже спешил приятель.

- Вы не поверите! Я машину нашел.

- Эка невидаль.

- Вон там. - Приятель указал на виднеющийся вдали сугроб. - Полчаса копал.

- Ты зачем это сделал, собака страшная? Человек до весны был спокоен за машину. Немедленно закопай!

Оставив копателя ликвидировать последствия рефлекса кладоискателя, Сашка повел меня знакомить с городом. К трех-пятиметровым сугробам я привык довольно быстро. Но наибольшее изумление я испытал при подходе к центральному вокзалу Кировска. Над входом в подземный переход красовалась гордая буква "М". Характерных форм и красного цвета.

- Представляю тебе местную достопримечательность. - Сказал Старостин. - Знаменитое Кировское метро!

- Да ладно, тебе!

- Пошли-пошли!

Движение в кировской подземке оказалось неинтенсивным и исключительно пешеходным. Длинный туннель под кучей рельсовых путей привел нас к зданию вокзала, где мы и купили обратные билеты.

Если же дневное катание оставляло много сил, то можно было прогуляться в Кировском парке отдыха. Покачаться на неработающих каруселях, попугать беговых лыжников. Или покататься на катке. Посетить Ботанический сад, один из немногих садов за полярным кругом. Или музеи – краеведческий, минералогический, музей Венедикта Ерофеева («Москва-Петушки» помните?).

Еще в Кировске была гостиница "Хибины". Большая такая, зеленая. Мы туда несколько раз с приятелями к приятелям заходили. Однажды устроили с живущими там пионерами игру в жмурки. Было весело. Особенно если учесть, что у Старого были на ногах бронированные полуальпинистские ботинки. Да и я бегал в зимних. Но в футбол не играли.

Это анекдот из жизни.

Ночь. "Хибины". Игра в футбол. Вместо ворот - дверь номера. В полночь открывается дверь.

- Ой! А разве там кто-то живет?

Выходит заспанный мужик.

- Ребята. Смените вратаря! Много пропускает.

Это был настоящий советский горнолыжник. Другой бы разогнал всю игру.

Иное дело кататься в Кировске под Новый год.

Мороз.

В Кировске, как нигде до этого, я проникся одним тостом.

После дня катания-летания мы входили в номер в горнолыжных ботинках с намерзшим снегом. И, пока еще было живо ощущение морозного склона, поднимали емкости с огненной водой.

"Слава советскому спорту!"

Особенно классно это было при температуре на склоне ниже минус десяти градусов по Цельсию.

Я никогда в жизни еще не испытывал мороза, описанного (в прямом и переносном смысле) Юрием Сенкевичем. Минус восемьдесят три – это для меня

из разряда «не со мной». Причем до поездки в Кировск 1996 года размышления о низких температурах не вызывали особо отрицательных эмоций. Но вот наш поезд прибыл в Апатиты. Из тамбура потянуло каким-то очень холодным сквозняком. «Ничего» - подумали мы – «Это просто в вагоне засиделись». Однажды мы уже ехали в непротопленном вагоне – проводница напилась и явилась к подаче поезда, да сразу спать завалилась. Хорошо еще, что пока ждали отложенный на два часа поезд, мы с Сашкой помогли спецназовцу скоротать время до его поезда огненной водой. Как в воду глядели: на улице минус пятнадцать и в вагоне минус пятнадцать. Пассажиры сами всю ночь вагонную систему отопления протапливали. Спали мы в полной горнолыжной выкладке под матрасом. В этот раз вроде с отоплением проблем не было. На выходе радостная проводница сообщила.

- А в Апатитах минус сорок три!

- Оппа! – ответили мы, и вышли на платформу.

Дышать сразу стало трудно. Нос быстро замерз и заболел. Ртом дышать было еще хуже - сразу замерзали зубы, затем язык. На полдороге до здания вокзала стали замерзать глаза. Слезы текут. Веки норовят закрыться, слипнуться и застыть. Щеки и уши белеют. А вот уже и зрачки заиндевели. Жуть.

Хорошо, вокзал рядом. Дошли, вошли и стали думать. Как до Кировска добираться. Был вариант с рейсовым автобусом. Очень экономичный. Только очень холодный. Да и на остановке автобуса пусто. Кто его знает. Придет, не придет. Или по дороге сломается. Посмотрели в окошко, а таксисты местные и не думают мерзнуть. Стоит пара машин под парами. Решили не экономить и поехали на частнике. Нормально едем. И вдруг на середине дороги звонкий шум шин начал меняться на мягкий. Только что звенело и вот: «Шшшш...»

- О, кажется, на улице теплеет.

- Конечно, теплеет. – Подтвердил шофер догадку. – В Кировске минус двадцать пять!

На самом деле оказалось даже минус двадцать три. Быстро сбросив вещи на базе, мы экипировались потеплее и побежали на склон. После сорока трех местный морозец лишь слегка пощипывал ноздри.

Зато, когда поднимается сильная метель, катание прекращается. Простой поход в магазин становится приключением. Перед выходом мы экипировались как на склон, включая горнолыжные очки. И все равно было сурово. Особенно на льду. Ветер порой преодолеть было невозможно.

Приходилось подолгу сидеть в гостини

Празднование нового года в середине девяностых имело маленькую приятную особенность. Впервые в страну завезли большое количество фейерверков. Но добрались они только до Москвы. Нам самим было интересно запускать ракеты. Чего уж тут говорить о кировских детях. Они сбегались, как когда-то мы сами, посмотреть на салют. Их радость была искренней и зажигательной.

В один из январских вечеров, изрядно расслабившись после катания, мы решили пожечь бенгальские огни. Не дешевые палочки, а такие полуметровые арматурины. Поскольку жечь в гостинице было опасно - засобирались наружу. А

там классно. Снежок свежий напал, морозец минус семь. Просто стоять с огоньками нам показалось скучно. И решили мы покататься с огнями в руках. Сказано - сделано. За гостиницей "Спорт" есть отличный двадцатиметровый склон. Мы еще трамплин на нем организовали. Расставили бенгальские огни и устроили искрометное катание. Весело, но... У нашего нового знакомого, приехавшего из Магадана покататься в Кировск, в этот вечер не оказалось снаряжения.

- Ерунда! - сказали мы. - У тебя же крепкие ботинки.

Затащили его наверх, подогнали крепления на Сашкиных лыжах и встегнули магаданского.

- Отлично держат! По прямой вообще без проблем ехать.

- Ага. А что с трамплином?

- Да не бойся! Придумаешь что-нибудь!

Дали ему по бенгальской палке в каждую руку, зажгли и отправили делать шоу.

- Вперед! Ура!

Парень развел руки с факелами, а мы заняли позицию для съемки.

-Ура!

Представление началось. По бокам лыжни ярко горели бенгальские палки. Трамплин обозначали две особо яркие. И по этой трассе неслось в ночи хохочущее создание с брызжущими огнем факелами в разведенных руках.

- Ээх!

Он старательно подпрыгнул на трамплине. Крепкая дружба ботинок с лыжами незамедлительно прервалась. Бенгальские огни в руках вычертили замысловатую траекторию. Лыжи отстрелились вниз, а приятель полетел кубарем в сугроб. Плюх!

Главное, я успел снять это на видео.

С развлечениями после лыж в Кировске всегда не густо. Поэтому отдыхать в Кировске хорошо с большой дружной компанией, как, впрочем, и везде. Песни под гитару, большой чан с глинтвейном, общий стол. Единственное условие в нашем номере – борьба с курением.

- Ребят, а можно я покурю здесь? – спрашивал новичок.

- Да бесс проблем. - Отвечал я или Сашка, или Сергей. И шел открывать настезь окна.

- Ой! – ледяной ветер врвался в комнату и выдувал курильщика в коридор.

По вечерам сил на подвиги уже не оставалось. Сидели мы каждый вечер. А зачем куда-то ходить? Ходили к нам.

Как-то раз к нам заглянул даже продавец из бара нашей гостиницы.

- Понятно, куда народ сваливает.

- А что случилось?

- У нас в баре никого. Но каждые полчаса появляются двое парней, каждый раз новые, покупают двухлитровую бутылку водки, говорят: «Мы наверх» и уходят. Вот решил посмотреть, куда это все уходит.

Все сидели вокруг стола, ели-пили и травили байки. Больше всех рассказывал Саша Старостин. На правах инструктора, спасателя, альпиниста, спелеолога, горного проходчика (он в кировском руднике практику проходил) и т.п. Были у

него и страшилки, но основная масса историй отличались юмором и сатирой...

Сценка.

Аэропорт. Только что приземлился самолет из Москвы. Три студенточки в новеньких штормовках, с новенькими рюкзачками, с сияющими глазами идут по залу прилета-вылета.

- А как проехать в альплагерь? - звонко спрашивает первая.

Несколько человек переглянулись. Но вдруг раздается мужественный голос.

- Я! Я знаю как.

Из темного угла появляется владелец голоса.

Немая сцена.

Он. Левая нога в гипсе. Опирается на два костыля. Левая рука в гипсе. Голова... Просто забинтована.

Они. Вытарашенные глаза и дикое желание убежать, но нельзя. Оплаченный обратный рейс только через месяц.

И пришлось им ехать познавать особенности поговорки:

Группа туристов стремительным дюльфером по нависающей осыпи неслась из долины к перевалу.

Присутствовал и классический рассказ о спелеологах.

- Дело было под Очамчирой. Очередная группа спелеологов готовилась к погружению в земные недра. Затесалось среди них и несколько студентов, решивших впервые в жизни расстаться с солнечным светом надолго. По заведенному обычаю вечером опытные рассказывали новичкам жуткие истории о Белом спелеологе.

Утром группу привели к дырке в земле на поляне. Дырка - это вход в пещеру типа чайник - большой зал с дыркой в потолке. Попасть в нее можно было только спустившись по веревке. И выбраться тоже. Ну откуда мог узнать руководитель группы о событиях накануне. А было празднование. Опытные спелеологи спустились в пещеру и отметили окончание похода. Хорошо посидели. А один даже хорошо полежал. Да так и уснул. Проснулся в одиночестве и стал ждать пробуждения товарищей наверху и организации своего вызволения. Ему хотелось пить, хотелось похмелиться. Время тянулось медленно. Группа спокойно пришла к пещере и забачала веревочный спуск. Руководитель, по традиции, первым направил вниз студента.

Новичок осторожно спустился по веревке. Вдруг сбоку раздался шаг и тяжелое дыхание. Студент обернулся.

- А...

Из мрака пещеры к нему протягивала руки зловещая тень с белым пятном на месте лица. Раздался сиплый голос.

- Ну, наконец-то я тебя дождался!

Вопль новичка был страшен. Ну как же. Все сказки инструктора оказались правдой. Его ждал ужасный Белый спелеолог! Пробкой от шампанского взлетел по веревке новичок, вышвырнув на поверхность скалы спускающегося по веревке руководителя группы.

- Бы! Там...

Судорожные движения руками и невразумительная речь не позволяли понять происходящее остальным участникам похода. Тогда новичок схватил веревку и начал вытягивать.

Страдающий похмельем товарищ с трудом оправился от последствий вопля. Кричавший исчез. Веревка осталась. Или нет? Веревка начала быстро вытягиваться наверх.

- Блин горелый!

Спелеолог схватился за конец веревки и попытался залезть наверх. Не тут-то было!

- Он сейчас вылезет! - Запаниковал новичок, почувствовав рывок. Молниеносным движением он выхватил складной ножик и привел в рабочее положение.

- Стой! - закричал руководитель, но было поздно.

Новичок за считанные секунды все перерезал. Из пещеры раздался звук падения. Затем последовали вопросы о сделавшем пакость, комментарии о его руках и прогноз недалекого будущего. Услышав прогноз, новичок собрался завалить выход камнями. К счастью руководитель уже был рядом и прекратил бурную деятельность.

Из разнообразных историй было извлечено несколько уроков для инструкторов. Непростое это дело - руками водить (руководить).

Советы инструктору.

Никогда не советуйте в шутку. Никогда-никогда. Чайник поймет все по-своему и при случае применит совет на практике. Скорее всего, именно на вас. Старостин рассказал замечательный пример на эту тему.

У группы начинающих спелеологов намечалось прохождение узких лазов в пещерах. Руководитель группы проводил небольшой инструктаж.

- Если проход низкий, и двигаться по нему можно только на четвереньках, то называют его ракоход. А еще есть такая вещь, как шкуродер. Это узкий лаз, при прохождении которого можно ободрать свою драгоценную шкуру. А можно вообще застрять.

- А что делать, если ползущий впереди застрянет?

- Можно сделать следующее. Берете конец веревки, поджигаете и тушите о щиколотку застрявшего.

- Это ведь больно!

- Зато все живыми вылезут.

Закончив приготовления, группа пошла в пещеры. Шли они шли и достигли, наконец, узкого лаза. Первый студент преодолел лаз быстро. За ним полез руководитель группы.

- Оппа! Я, кажется, застрял...

- Эй, Винни Пух, ты надолго?

- Да сейчас...

Но, ни сейчас, ни через минуту движения вперед не получилось. Назад, впрочем, тоже. Шкуродер держал крепко.

- Надо помочь! - раздалось со стороны ботинок.

- Это, каким образом? - заволновался застрявший, чувствуя, как кто-то задирает ему штанину и приспускает носок.

Один из студентов точно по инструкции заголил щиколотку, зажег репшнур и загасил его о кожу застрявшего.

- Аааа!

Оказывается, Руководитель не застрял. Он просто не хотел напрягаться. После стимуляции прохождение лаза прошло очень быстро. Попутно шкуродер превратился в ракоход. Остальная группа прошла лаз легко и свободно.

Еще хуже бывает, когда инструктор отдает команды, требующие домысливания и творчества. На эту тему у Старостина была следующая байка.

Группа шла по леднику Кошкатай. Шла уверенно, но без обвязки. Руководитель группы шел первым. Соответственно он первый и наступил на предательский снежок. Хрусть! Сломался наст под альпинистским ботинком, открывая ледовую трещину.

- Мать! - успел крикнуть альпинист, улетаая вниз.

Ему повезло. Трещина оказалась узкой, и падение удалось остановить буквально через десять метров. Мужик раскорячился основательно. Сверху на него глядело испуганное лицо.

- Что делать?

- Бросай веревку!

- Держите! - Последовал ответ.

В трещину полетела целая бухта крепкой веревки. Шлеп! Бухта ударила в плечо потерпевшего и заскользила дальше вниз по трещине.

- Идиоты! Найдите пообразованней.

- А что?

- Размотайте веревку и бросайте!

Сказано - сделано. И на Руководителя упала аккуратно размотанная вторая веревка.

Состояние альпиниста описать было трудно. Он стоял в распорке в ледяной трещине, наблюдая застрявшую двумя метрами ниже связанную бухту веревки и увитый петлями веревки размотанной. Теперь у него была веревка, но толку-то. А если учесть, что на группу брали обычно две веревки, то... Ругался он долго. Но ведь надо думать, какие команды давать. Как в суде. Все, что Вы скажите, может быть использовано против Вас. Что же касается застрявшего, то его вытащили. Он сумел с третьей попытки дать нужные команды.

Андорра. Ежики в тумане.

- Петька! Ты где?

- Нигде!

В.Пелевин «Чапаев и Пустота»

В горах есть особое развлечение. Оно приходит вместе с облаком. В Кировске заполярном мне не приходилось попадать в абсолютно глухой туман. Всегда можно было разглядеть ближайший обрыв. Но частенько температура окружающего воздуха опускалась ниже минус десяти градусов по Цельсию. Снаружи горнолыжника куртка, штаны, шапка, а также брови, ресницы и волосы соответственно охлаждались ниже нуля. Влажное облако незамедлительно этим пользовалась, и оседало белым инеем на охлажденных частях. Но это так, элегантный довесок в виде белых косичек, вихров, усов и ледяной брони на куртке. И конечно изящных конструкций из инея на деревьях, опорах подъемника и строениях. Кататься можно.

Но вот как-то раз в Андорре я попал в действительно плохую погоду. И обогатился незабываемыми впечатлениями от состояния НИГДЕ. Это состояние возникает с приходом облака.

Вот, облако пришло. Хорошее такое, густое облако село к вам на склон. Только что все было прекрасно, вы видели. А вот вы уже не видите. Совсем ничего. Концы лыж с трудом фиксируются взглядом сквозь разлитое молоко. И тишина... Занесла вас нелегкая в одиночку на необкатанный склон. Или обкатанный. Ничего же не видно.

Самое забавное в тумане - потеря себя. Вроде бы вот он ты. Стоишь на лыжах. А вроде, как и нет тебя. Размазан в киселе. Нет ощущения суперпупер-гэ-лыжника. Ты ежик, ежик в тумане. И ехать тебе некуда. По воспоминаниям слева обрыв или камни. Справа... А, кстати, где тут справа? Я, кажется, повернул. Тем временем вода из облака намерзает на укатанный и неукатанный снег. Образуется ледяная корка. Да еще и смазанная незамерзшей водой. Легкое движение и скользи куда хочешь. Или не хочешь. Все равно не видно. «Лошадкааа!!!»

Это из анекдота. Сидит ежик в тумане. Кричит.

- Слонииик!

Подходит лошадь.

- Ты чего ежик?

- Да пошла, ты, кляча старая!

Лошадь обижается, кидается на ежика, проскакивает мимо. А ежик сидел на краю обрыва. Лошадь улетает вниз.

- Лошадкаааа!

Таким вот образом. И очень не хочется становиться этой лошадкой. А ежиком? Про судьбу ежика анекдот умалчивает.

Лучше всего в таком случае натолкнуться на инструктора с группой. Он точно знает, куда ехать. Главное от него не отстать. В такую погоду ходят только инструкторы райдеров. За ними нужно гнать, а не думать о поворотах, уклоне и прочей ерунде. Чуть замешкался - все, ты опять ежик. Или лошадкаааа!

К счастью в Андорре нет особо опасных мест рядом с трассами. Надо постараться стать лошадкой. Да и упасть в реку, повторяя судьбу мультяшного ежика, получится вряд ли. Здесь от большинства верхних станций подъемников обязательно проложена простая трасса. Синяя или зеленая. Можно кататься группой в любом составе. Для чайников – налево, для асов – направо. Главное точно договориться, к какому подъемнику спускаться.

В Андорре много мест приспособлено для обучения катанию. Детские парки, ленточные подъемники. Даже отдельно стоящие блоки сидений кресельного подъемника есть. Все желающие могут попробовать свои силы на неподвижном объекте. Но желающих я никогда не видел. Зато частенько наблюдал, как чайники падали при залезании-слезании. Вроде бы ничего особенного на современных подъемниках делать не нужно. Кресла в зоне посадки-высадки сбавляют скорость до черепашей, коридоры для распределения тушек по ширине кресла четкие. Канатчики следят и помогают немощным и детям. Ан нет. Всегда найдется герой с безудержным стремлением убиться.

Я стоял спокойно в очереди. Передо мной группа бодрых пенсионеров довольно нервно распределялась по коридорам на посадку. Кому направо, кому передать рюкзак, кому опять направо. А этому лучше налево... Чем ближе подъезжало кресло, тем большую суету проявляли великовозрастные искатели приключений. Но пока все шло в пределах допустимых отклонений поведенческих реакций. А затем я отвлекся. Подошла моя очередь заходить на посадку. Убедившись, что занял правильную позицию, я возобновил наблюдения за потенциальной опасностью. А она, как и положено, постепенно переходила в кинетическую.

Кресло внезапно, а по-другому и не бывает, ударило шеренгу пенсионеров под колени. Четверо были развернуты в нужную сторону и свалились в правильную сидячую позицию. Двое других больше интересовались своими рюкзаками и креплениями, за которые пытались зацепиться лямки рюкзаков. Вертелись они, как ужаленные коалы. Соответственно грохнулись на сиденье в развороте. И поехали. Бум! Это уже меня подсекло креслом под колени. Быстро сел, поднимаю взор. Мамочки! Один из ветеранов поездок в трамвае не справился с поставленной задачей. Ему показалось, что рюкзак упал. Он немедленно нагнулся за ним, полностью выбравшись из кресла. В это же время прочие законопослушные пенсионеры начали опускать перекладки защиты от выпадения своего кресла. Какое совпадение! Перекладка на защите, служащая опорой для лыж, точно совпала со спиной любителя рюкзака. Он упал. Кресло проехало сверху и прижало его к снегу. Он попытался подняться, но успел встать только на четвереньки. А тут уже и мое кресло подъехало. Да быстро как. И прямо на четвероногого. Он ведь свалился точно в коридор моего продвижения. Мне осталось времени только раздвинуть пошире лыжи и оседлать коняшку. Иго-го!

Я привстал, надеясь проехать выше, но старичка подмяло под мое сиденье, и подъемник остановили. Картина маслом и сыром. Я стою в нелепой позе недоприседа. Кресло давит под колени, правая лыжа запуталась в лямке дедушкиного рюкзака, на левой лыже стоит он сам. Коленом стоит и рукой. Его крестец застрял где-то под моим креслом. А еще он пытается встать, никак не

синхронизируясь с реальным миром. Двигаясь вперед и вверх, он одновременно отталкивается от моего ботинка. Его рывок вперед приводит в движение кресло. Оно бьет меня под колени. При этом из-под правой лыжи выдергивается лямка рюкзака. Я падаю в кресло. Кресло увеличивает свой вес и надавливает на дедулю. Он скользит и падает обратно. Еще рывок, еще. Откуда в нем столько энергии? Это начинает напоминать укрощение мустанга. Уфф! Бросившиеся на помощь канатчики успели. Герой не успел учинить разрушения и жертвы. Нас распутали, вытащили, расцепили. Дедушку с товарищами отвели в сторону. Все шутили, пили... Я же поспешил уехать на вновь запущенном подъемнике.

Ах, эти современные скоростные подъемники. Удобные, теплые, вместительные, с колпаками. Едешь и любишь пейзажами. То ли дело медленные деревянные. На старте жестко ударят по икрам, а затем медленно и со скрипом будут поднимать вас сквозь все ветра. А потом еще и остановятся. Ведь не все умеют ими пользоваться. Люди падают, и канатчики жмут красную кнопку. Все вынуждены ждать. Благодаря этому очередь на подъем двигается очень медленно.

Считается, что шестиместный подъемник способен быстро переместить наверх большую толпу катающихся. В принципе верно. Вот только толпа об этом не знает. Очень часто даже при длинной очереди вместо шести пассажиров садятся четыре. На остальные места, желающие не находятся. Все хотят ехать со своими друзьями и никак иначе. Как-то стоя в давке на один шестиместный подъемник я подумал (мне понравилось, и я подумал еще раз): "А бывает так, чтобы при такой большой очереди на шестиместном кресле поднимался только один лыжник?" Через десять минут я получил утвердительный ответ. В полном одиночестве я ехал наверх и смотрел на толпу, томящуюся в ожидании подъема. Хотелось лечь и думать о вечном. Мешали лыжи. Вернее, наоборот. Лыжам мешали ненужные мысли о вечном лежании. Пришлось перестать думать и направиться к черным трассам. Как и следовало ожидать, подъемники на черные трассы пустовали.

Больше всего подъемников за один день катания мне удалось использовать в Австрии. Недалеко от Майерхофена есть область катания Цилерталь арена. Мне потребовалось подняться на двадцати различных подъемниках, чтобы проехать ее от начала до конца и вернуться обратно. И это, не считая кучи креселок, отходящих в сторону от основного пути.

А самыми запоминающимися по условиям катания для меня оказались австрийские курорты Сан-Антон и Лех. Скипасс позволял кататься и там, и там. А вот на лыжах проехать из Сан-Антон в Лех можно было только с гидом. В виде отдельной экспедиции.

В Сан-Антоне нет жесткой границы - трасса-внетрассы. Если можно проехать - поставят палки с ромбами вместо кружков. И вперед, осваивать маршрут. Так же просто относятся к маркировке обычных трасс. Раграки, конечно, вылизывают эти трассы с австрийским качеством, но к вечеру на многих трассах появляются бугры.

Едешь вечером по указателям синей трассы, чуть зазевался, не свернул с прямой в сторону и вот уже красные кружки стоят по сторонам. А заканчиваются они... Правильно. У начала черной трассы Кандагар. С нарытыми буграми и чайниками. Держитесь, колени!

Наибольшее же сходство с катанием на Чегете я испытал при прохождении снежного круга в Лехе. Сделали они такой круговой маршрут вокруг Леха. В плохую погоду часть подъемников на нем не работает и закольцеваться не получается. Зато в хорошую погоду положительные эмоции обеспечены. Начало маршрута ничего общего с чегетскими воспоминаниями не имеет. Подъем здоровенной кабиной на Рюфикопф - это обычно для Западной Европы. Наверху открывается великолепная панорама. Просто дух захватывает от красоты красного спуска. Но вот, после нескольких спусков и подъемов, вы оказываетесь в Цюрсе, где в начале 20 века была организована первая горнолыжная школа. Из Цюрса вверх на перевал Зеекопф. И приключения начинаются.

По карте дальше спуск по красной трассе. Ну, очень красной. Если плохо разогнаться - остановка посередине гарантирована. Уклона нет. Остаток дистанции придется двигаться коньковым ходом. Так что красной трасса названа по цвету лиц, преодолевающих ее. Некоторые вообще идут пешком с лыжами на плече. Но финал усилий превосходит ожидание: дичайшая очередь на медленный двухкресельный подъемник. Чегет во всей красе. Только что "шапок" нет. В результате получасовых ожиданий вы оказываетесь на перевале. И после небольшого синего спуска и фотосессии у огромного знака снежного кольца обнаруживаете, что Европа кончилась. Дальше ратраки не ездят. Трасс нет, только маршруты. Вам предстоит покорение огромного поля настоящих чегетских бугров на крутяке. Уставшим и чайникам приходится искать спасение в траверсах. Остальным - восстанавливать навыки чегетского спуска. А если свернете направо (там вроде не так страшно) - доедете до начала пешеходного перехода в Лех. Для спустившихся по простому маршруту подъемников не предусмотрели. Впрочем, участок с буграми подъемниками также не обслуживается. Нужно спускаться до деревни Цуг. А из нее подъемник привезет в Европу к скоростным отутюженным красным трассам. Для большинства отдыхающих в Лехе они сложные. Поэтому у носилки по ним без тормозов (особенно стоячих).

Классификация гуманоидных обитателей склонов по степени опасности.

Дополнение к лекции
Об опасностях в горах...

Чайник – в начале развития довольно безобидное существо. С первого взгляда. Он мило улыбается, пытаясь весельем компенсировать абсолютное незнание и неумение. При этом может легко развернуться на чей-нибудь окрик вместе с лыжами на плече. А это до семи кило веса с наточенными кантами. Кстати если вы увернулись от удара горнолыжным мечом, не расслабляйтесь. Он может его просто уронить на вас. Или упасть сам. Единственная радость - скорость. Очень малая скорость движения чайника позволяет избежать его на склоне. У чайника остро развито чувство сострадания. А иначе, зачем они обозначают собой опасные места на склоне. Высокий бугорок, резкий спад, лед – везде можно встретить стоящую фигурку. Главное, чтобы он не двигался, когда вы едете рядом. Но чайник непредсказуем, вернее предсказуем – он начнет движение точно на вас. А потому скорость, скорость и еще раз скорость. Чайники склонны к образованию стай (в малом количестве – чайные сервисы). Это защитная реакция на страхи. В толпе своих не так страшно и не так стыдно. Толпы чайников бывают организованные и неорганизованные. Неорганизованные чайники — это зомби.

Зомби (подробное описание есть в статье на сайте ski.ru). Главная исходящая от толпы неорганизованных чайников опасность – страх. Сперва вам страшно на них налететь, затем вы боитесь, что налетят на вас. Далее вы видите, как они падают на ровном месте, и начинаете бояться этого ровного места. Как следствие вы тормозите. В прямом и переносном смыслах. Этого им и надо. Еще немного и вы вливаетесь в толпу, становитесь зомби. Метод борьбы – скорость. Правда, вечером сил мало. Тогда останавливайтесь в сторонке, копите силы, разглядывая небо через стеклянную подзорную трубу или стальной бинокль (коньяк в пластмассовом бинокле - моветон). В крайнем случае, полежите с умным видом и фотиком в руках. И вперед, на скорости. Зомби встречаются везде, но тяготеют к простым трассам и ресторанам. Единственным плюсом Зомби можно считать аккумуляцию в известных местах большого количества лыжебордеров, что позволяет остаться свободными интересные, в техническом отношении, трассы.

Организованные чайники - это группа с инструктором. Главная опасность - езда поперек трассы. Всей группой вслед за инструктором. Чем больше группа, тем длиннее получается забор из чайников, перегораживающий трассу. Лично наблюдал перекрытие трасс на 120-130%. Инструктор уже на второй поворот пошел, а хвост еще и первого не сделал. Данная ситуация возникает из-за малой скорости инструктора и его идиотского желания уместить всю группу между двумя поворотами. Чтобы все смогли увидеть, как правильно поворачивать. Встречаются в основном на сине-зеленых трассах. Но могут испортить жизнь и на черной трассе. Для борьбы требуются крепкие нервы, хорошее ведение лыж (хотя бы в двух-трех поворотах) и... скорость. В заборе всегда есть дырки. Можно, конечно объехать их и вне трассы. В таком случае помните – поворот чайники осуществляют по краю

трассы. Там же они и падают, а могут благополучно уехать с трассы и упасть вам под ноги. Вплоть до образования кучи-малы. С другой стороны, быстро преодолев групповой забор, вы оказываетесь на практически свободной трассе.

Чайник кипящий - опаснее чайника. Он уже знает, как ехать, куда ехать и зачем ехать. Так ему кажется. До первой бугристой трассы. Или до целины, или до льда с камнями. Далее он превращается в кривляющегося клоуна. При этом скорость, а соответственно убийность, уже на хорошем уровне. Разъехаться с ним на встречных курсах невозможно (свернет точно вам в лоб). Единственное спасение - прыжок вниз. На такое кипящий чайник еще не способен.

Крылатский ас. Он же Яхромский ас, Кавголовский ас, ас малых оврагов и т.п. Особо опасен для инструктора или приятеля как негабаритный груз. В отличие от чайника лыжи носит аккуратно и ловко. Да и на синей трассе смотрится здорово. В графе класс катания смело пишет: «Опытный лыжник, катаюсь 5 лет». При этом искренне убежден, что за эти пять лет катания в овражке типа Крылатского (Яхромы, Ковголово) изучил все премудрости спусков любой сложности. Первые же повороты на черной трассе (да даже и на красной) горько развенчивают убеждение. Он то - привык после пяти поворотов идти к подъемнику. Заледенелые бугры а-ля Чегет вообще вызывают запредельное торможение. Горе вам, если вы не добились от него еще внизу чистосердечного признания о реальном опыте катания. Каких-то сто метров от верхней станции подъемника и все. Дальше вы тащите его на себе. Дополнительную угрозу представляют его навыки подготовки снаряжения. А именно регулировка креплений. При катании на малых оврагах нет нужды сильно их затягивать. В горах такие лыжи отстреливаются на раз. Достаточно асу войти в хороший поворот или соскочить с бугра. И вот лыжа летит вам в голову, а ас в травмпункт. А еще они могут перетянуть крепления. Тогда при заезде аса в целину он с легкостью вывихнет себе колено, и вызов акы со спасателем обеспечен. Заточка кантов также слабое место. В оврагах льда не более 50 метров. Вот и не точат. Основной метод борьбы - допрос с пристрастием и тщательный досмотр снаряжения. Вас может ввести в заблуждение фраза: "Да я два сезона в Австрии откатал". Обязательно уточните, по каким трассам катался и на каком курорте. Самые сложные трассы Ишгля напоминают синие Сан Антона. Еще желательна небольшая проверка на сложном участке синей трассы. Дальше - решайте сами.

Летающий лом - ужас гор. Характер стойкий. К врагам беспощаден. К себе тоже. Скорость огромная. О препятствиях имеет смутное представление. Зато уверен в цели. Двигается к ней по прямой. Если цель – вы – молитесь. Если нет – все равно молитесь, чтоб не засек. Одной из примет является стойка «яйцо болит» (видоизмененная за счет широкого ведения лыж и расставленных рук стойка «болид»). Главная примета – способ остановки. Летающий лом останавливается ударом в цель или падением после наезда на цель. Многие думают, что Летающий лом происходит от Чайников кипящих. Мнение ошибочно, поскольку летающими ломом могут стать любые категории горнолыжников. Особо опасны

«спортсмены», спешащие к старту, автобусу, тренеру, бару. На них надето защитное снаряжение, вызывающее у Летящего лома чувство защищенности и безнаказанности. Несмотря на стойку, внешне не отличимую от «болида», остановка происходит о цель. Со всеми вытекающими для цели последствиями. Метод борьбы - неусыпная бдительность! Скорость не поможет. Сами станете Летящим ломом. Причем цель может обидеться и убить (см. Дети). Или снять задник крепления.

Дети. Главная опасность – их родители. Могут убить, если тронете любимое чадо. Дети вызывают чувства умиления, жалости, зависти. С последним нужно бороться. Помните: ребенок легче вас в несколько раз. И с бугра упорхнет, и по козырьку снежному проедет. А вас после такого – увезут в акье. Бесстрашны поначалу, но быстро устают. Чужих Детей с собой кататься не брать. Иначе получится не кататься. А виноваты во всем будете вы сами. Метод борьбы – держаться на расстоянии.

Друзья экспертов. Жертвы чужих амбиций и заблуждений. Они поехали за... Их позвали на... Но горнолыжных навыков хватило лишь на первые сто метров. Дальше энергия кончилась. Главная опасность – жалость. Они давят на жалость просьбами помочь: спуститься, найти палку, дорогу, супруга. В особо опасных местах девушки могут зарубиться палками в стойке плугом. Не сдвинешь. Лозунг: "Спасите меня, но чтоб я этого не видела!" Связываться с ними можно только в случае, если вы хотите напиться на склоне (спустились метров на сто, сели-выпили, подождали пока друг доедет до вас), или после склона в качестве компенсации, или у вас еще какой интерес проснулся. Метод борьбы – безжалостность, если хотите кататься. В другом случае вам обеспечено нескудное времяпровождение.

С развитием катания в цивилизованных странах появилась новая опасность. Она связана с отдаленными последствиями незапланированной встречи на склоне.

Судебный иск - угроза скрытая, но может лишить вас возможности кататься в ряде горнолыжных регионов. Со стороны эта напасть выглядит вполне прилично. Пожилая дама или уважаемый джентльмен наиболее подходящий пример внешнего вида. Но! Попробуйте до них дотронуться - они сразу упадут. И не просто упадут. Достаточно легкого столкновения для появления страшной проблемы. Вначале потерпевшая сторона выглядит убого и дебилно. Хлопает глазами, жалуется на незнакомом языке, старается вызвать сочувствие. Вы, естественно помогаете, чем можете. Однако стоит вам расчувствоваться и дать о себе какие-либо сведения - все. Ждите повестки в суд. У потерпевшей стороны появятся свидетели, рентгенограммы, выписки и счета лечебных учреждений. Вас будут раскручивать на выплату компенсации, регресса и т.п. Не заплатите - постараются организовать отказ в выдаче очередной визы. Способ защиты - неусыпная бдительность. До, во время и после встречи. Главное не давать («Если каждому давать - то сломается кровать!») свои данные. Прикиньтесь дебилем, благо пример перед глазами. Мямлите про несчастную любовь, Колыму и кенгуру. Или станьте Летящим ломом. Они неразговорчивы и недогоняемы.

Остальные гуманоидные обитатели клонов не могут быть объединены в какую-то особую группу. Каждый отморозен по-своему. На закуску осталась:

Главная гуманоидная опасность!!!

Это Вы сами. То, что может сотворить с вами ваша фантазия, не сделает никто. Поэтому соблюдайте простые правила. Не ешьте желтый снег, не ездите по чужим следам и катайтесь в проверенной компании.

При катании компанией помните:

Сноубордист медленно движется по ровной местности. Не обгоняйте его на выкате. А лучше возьмите с собой трос и готовьтесь стать ездовой собакой.

Горнолыжник хуже едет по целине. Его лыжи легко отстегиваются и теряются в этой самой целине. Пустите его вперед. Догнать всегда успеете.

Учитесь создавать себе настроение праздника. Ведь горные лыжи — это не просто две палки на ногах, а целый комплекс мероприятий.

Содержание

ПРОБА СНЕГА.....	1
МУКАЧЕВО. ТРОСТЯН.	3
СЕВЕРНЫЙ – НА БАЛКАРСКОМ – ЧЕГЕТ	7
ЗНАКОМСТВО С ТРАДИЦИЯМИ	7
ОРУДИЕ УБИЙСТВА.....	12
КЛЯТВА.....	20
МОСКВА, МОСКВА.	24
КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ. КИРОВСК.	27
В ЛЫЖАХ, В ГАМАКЕ И СТОЯ.....	27
Я БУДУ ЛЕТАТЬ!.....	31
БЫВАЕТ ЛИ МНОГО СНЕГА?.....	35
МОРОЗ.....	38
АНДОРРА.ЕЖИКИ В ТУМАНЕ.....	44
КЛАССИФИКАЦИЯ ГУМАНОИДНЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ СКЛОНОВ ПО СТЕПЕНИ ОПАСНОСТИ.	48